

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра Библистики и богословия

Иеромонах Мелхиседек (Хижняк)

НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Сборник материалов к лекциям

Пенза
2021

УДК 241
ББК 86.372-4я7
М 47

Рекомендовано Учебным комитетом
Русской Православной Церкви

Составитель:

Иеромонах Мелхиседек (Хижняк), кандидат богословия, старший преподаватель кафедры Библистики и богословия Пензенской духовной семинарии

Рецензенты:

Фадеев А.Ю., протоиерей, кандидат богословия, доцент кафедры Библистики и богословия Пензенской духовной семинарии

Пугачев О.С., доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный аграрный университет»

М 47 Мелхиседек (Хижняк), иеромон.

Нравственное богословие. Сборник материалов к лекциям / Сост. Иеромонах Мелхиседек (Хижняк). – Пенза: Пензенская духовная семинария, 2021. - 84 с.

ISBN 978-5-6045210-3-8

«Нравственное богословие. Сборник материалов к лекциям» является сборником, в котором собраны статьи и выдержки по нравственному богословию и смежной с ним проблематике. Издание предназначено для преподавателей и студентов духовных и светских высших учебных заведений, а также для всех желающих подробнее узнать о нравственности.

© Мелхиседек (Хижняк), иеромон., канд. богосл., 2021
© РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Определение терминов «мораль», «нравственность» и «этика»...	7
1. История Нравственного богословия.....	8
2. Теории обоснования нравственности	13
2.1. Утилитаризм	14
2.2. Эволюционизм	15
2.3. Социоцентризм.....	16
2.4. Философия жизни	18
2.5. Антинатурализм	22
3. Естественный нравственный закон	27
3.1. Естественный нравственный закон в учении ап. Павла.....	27
3.2. Естественный нравственный закон в учении отцов и учителей Церкви.....	27
3.3. Содержание естественного нравственного закона.....	30
3.4. Естественный нравственный закон	31
и православная этика.....	31
4. Структура библейской нравственности	33
4.1. Этика в раю	33
4.2. Этика эпохи патриархов	34
4.3. Этика Пятикнижия	35
4.4. Этика пророков.....	35
4.5. Этика Учительных книг	36
4.6. Этика междузаветного периода.....	37
4.7. Переходящие аспекты библейской нравственности	38
4.8. Евангельская этика	40
4.9. Этика апостольских посланий	42
4.9.1. Этика посланий ап. Павла.....	42
4.9.2. Этика посланий ап. Иоанна.....	43
4.9.3. Этика послания ап. Иакова.....	44
5. Детерминизм и индетерминизм	45

6. Деонтология.....	48
6.1. Нравственное учение о долге.....	48
6.2. Метафизический и этический аспекты должного.....	48
6.3. Долг как сознание нравственной необходимости.....	50
6.4. Практическая деонтология Запада и православная этика.....	51
6.5. Обязанность как требование нравственного закона.....	52
6.6. «Сверхдолжные совершенства» и евангельские советы	54
6.7. Коллизии обязанностей.....	56
7. Христианская этика в современном мире	59
7.1. Экологическая этика	59
7.2. Нравственный подход к трансплантологии	70
7.3. Нравственный подход к крионике.....	74
Вопросы для самоконтроля:.....	76
Задания для самоконтроля:.....	78
Ключи к тестам:	80
Источники:.....	81

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

Данный сборник содержит статьи и выдержки, в которых вопросы нравственности рассматриваются как социальное явление и заслуживают внимания широкого круга общественности. Почти в каждом таком фрагменте исследователи не просто очерчивают свои достижения, но и предпринимают попытку изложить построенные на этих достижениях умозаключения, которые относятся к общим проблемам нравственности.

Часть текстов содержит материал о дилеммах и препятствиях нравственной жизни в современную эпоху нравственного ригоризма.

В сборнике соединено в одно целое разнообразие мнений о таком феномене, как нравственность. Именно поэтому сборник составлен из выдержек из сочинений на обозначенную тематику. Данная подборка может быть назидательна широкому кругу читателей, заинтересованных в том, чтобы вникнуть в некоторые проблемы нравственного богословия, но особо полезной она может стать для тех, кто готовится принять священный сан. Только изучив то, что говорили о нравственности в течение длительного периода люди, приобщённые к богословию, лишь углубившись в атмосферу возникавших временами споров, сталкивающихся мнений, впору полагать себя в большей или меньшей степени готовым к сложному священническому служению.

Каждый текст, помещённый в данном сборнике, тем или иным образом может быть полезен читателям. Некоторые выдержки поднимают главные вопросы нравственного богословия, заслуживающие внимания и обсуждения. Некоторые предохраняют от совершения характерных оплошностей. Есть и такие тексты, которые побуждают к исследованиям, полезным и необходимым для богословской науки.

Объединить подобную разнообразную информацию в единый блок является задачей не из лёгких. Составитель избрал тематический состав информации, превосходно осознавая её разношёрстность. Грани между избранными темами размыты, а фрагменты текстов включены в сборник по той причине, что

составитель квалифицировал данные темы для сборника как ведущие.

Сборник может заинтересовать современных богословов, студентов духовных и светских учебных заведений, исследователей в области нравственного богословия и религиозной философии, а также всех, кто стремится достичь нравственного совершенства в условиях современной духовно-социальной атмосферы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ «МОРАЛЬ», «НРАВСТВЕННОСТЬ» И «ЭТИКА»

Мораль (лат. *moralis* – касающийся нравов) – один из основных способов регулирования поведения человека (традиции, обычаи, дозволения, предписания, запреты). Мораль охватывает нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации и принципы, цели и мотивы поступков и отношений, проводя границу между добром и злом, совестью и бессовестностью, честью и бесчестьем, справедливостью и несправедливостью, нормой и ненормальностью, милосердием и жестокостью и т. д.¹

Понятия морали и нравственности имеют разные оттенки. Мораль, как правило, подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (других людей, общество, церковь и т. д.). Нравственность в большей степени ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения.

Нравственность в широком смысле – особая форма общественного сознания и вид общественных отношений.

Нравственность в узком смысле – совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу.

Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания, способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде².

Этика – философская дисциплина, предметами исследования которой являются нравственность и мораль³.

¹ Азаренко С. А. Мораль // Современный философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/223/moral.htm> (дата обращения 23.01.20.). Мораль // Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА) М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-3613.html> (дата обращения 23.01.20.).

² Мораль. [Электронный ресурс]. URL: <https://science.wikia.org/ru/wiki/Мораль> (дата обращения 23.01.20.).

³ Гусейнов А. А. Этика // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Электронный ресурс. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe580c35fb9510cd4c8eae5> (дата обращения 14.02.20.).

1. ИСТОРИЯ НРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВИЯ

Как богословская дисциплина Нравственное богословие сформировалось в новое время. Тем не менее мы можем говорить об истории христианской этики, которая возникла вместе с христианским нравственным благовестием и прошла большой путь исторического развития. История христианской этики делится на три периода: патристический (I–VIII вв.), поздневизантийский (IX–XVI вв.) и современный (XVII–XXI вв.). Начало христианской этики относится к той эпохе, когда отживавшее свое историческое время язычество в борьбе с христианской религией выставило, со своей стороны, унаследованные в течение веков нравственные истины и противопоставило их простоте христианской веры. Критика, направленная против христиан со стороны язычников, отражала некоторые важные вопросы нравственного характера. Нравственное учение христианства, как живое отображение в жизни христиан святейшего идеала, явленного в лице Богочеловека Господа Иисуса Христа, открывало и утверждало высоту и превосходство христианского нравственного мирозерцания. Первая попытка изложить христианское нравственное учение в определенной системе относится лишь к концу IV века. Мы имеем в виду святого Амвросия Медиоланского, который в трех книгах «Об обязанностях» (*De officiis*) впервые изложил в системе христианское нравственное учение, противопоставив свой труд сочинению Цицерона, также носившему название «Об обязанностях» (*De officiis*). Начиная с IV века, мы наблюдаем интенсивный рост памятников по христианской этике. Это нравственные наставления, проповеди и аскетические слова, содержащие большой нравственно-богословский материал. Из памятников патристического периода наибольший интерес представляют: «Учение Двенадцати Апостолов» («Дидахи»); сочинения мужей апостольских – святого Климента Римского, святого Игнатия Богоносца, святого Поликарпа Смирнского, Ерма; сочинения христианских апологетов – святого Иустина Философа и автора Послания к Диогнету; сочинения святого Мефодия Патарского и Климента Александрийского; сочинения великих каппадокийцев-святых Василия Великого, Григория Богослова и

Григория Нисского; сочинения святителя Иоанна Златоуста, блаженного Августина, блаженного Иеронима и сочинения святых отцов – авторов Добротолюбия. В целом патристический период характеризуется тем, что мы постоянно встречаемся с углубленным рассмотрением вопросов этики в трудах христианских апологетов, ранних отцов Церкви и великих богословов «золотого века» христианской письменности.

В течение второго периода, с IX по XVI век, мы имеем мало творческих работ. Преобладают аналогии, повторяющие нравственные построения отцов патристического периода. Как колосья после жатвы, собираются и переписываются творения ранних отцов. В разработку нравственных вопросов в этот период внесли вклад такие святые отцы, как Феодор Студит, Григорий Синаит, Никита Стифат и другие авторы, сочинения которых вошли в Добротолюбие. Самой важной и характерной чертой этого периода является продолжение в богословии мистической традиции, начатой еще в патристический период святыми Дионисием Ареопагитом, Макарием Великим и Максимом Исповедником. Из писаний поздневизантийских мистиков ценность для Нравственного богословия представляют творения святого Симеона Нового Богослова, святителя Григория Паламы и их последователей. Этика богословов-мистиков может быть охарактеризована как аскетическая этика, которая процветала, главным образом, в монашеской жизни.

Третий период в истории христианской этики охватывает XVII–XXI века. Здесь мы должны обратить внимание преимущественно на русских и греческих авторов. В этот период христианская этика развивается как самостоятельная богословская дисциплина, отличная от Догматического и Пастырского богословия. В начале этого периода первенство в развитии Нравственного богословия принадлежало римско-католическим и протестантским богословам. В XVIII веке в России архиепископ Феофан Прокопович создал курс Нравственного богословия, вошедший в программу Киевской и Московской Академий и Троицкой Семинарии. Митрополит Московский Платон в третьей части своего труда «Сокращенное богословие» (1765) изложил систему христианского нравственного учения, имевшую чрезвычайный

успех и принятую в качестве руководства в духовных учебных заведениях. Из русских богословов XIX – нач. XX веков курсы Нравственного богословия разрабатывали: епископ Пензенский и Саратовский Иннокентий (Смирнов) (1821), протоиерей Иоаким Кочетов, законоучитель Царскосельского лицея (1824), архимандрит Платон (Фивейский), ректор Владимирской Духовной Семинарии (1854), протоиерей Петр Солярский, протоиерей Иоанн Халколиванов (1872), архимандрит Гавриил, протоиерей Н. Каменский (впоследствии архиепископ Никанор), профессор протопресвитер Иоанн Янышев (1887), И. Пятницкий (1890), А. Покровский (1891), профессор М. А. Олесницкий (1892), С. Никитский, профессор М. Тареев (1908). Совершенно особое место принадлежит величайшим русским церковным писателям XIX столетия – святителю Феофану Затворнику («Начертания христианского нравоучения» и «Путь ко спасению») и святителю Игнатию Кавказскому («Аскетические опыты»). Оценивая развитие дореволюционной школы русской православно-христианской этики, мы должны признать несомненное соответствие созданных в России в XVIII-XIX веках учебных курсов по Нравственному богословию запросам, потребностям и характеру их эпохи. В целом третий период истории христианской этики характеризуется западно-ренессанским направлением, которое привело к формированию понятия личности, ставшим ключевым в новоевропейской культуре. Параллельно с влиянием западноевропейского просвещения в России происходит возврат к святым отцам Церкви: перевод Добротолюбия, предпринятый преподобным Паисием Нямецким и святителем Феофаном Затворником, расцвет оптинского старчества и обширная систематическая деятельность монастырей и Духовных Академий по переводу и изданию огромного святоотеческого наследия. В начале XX века в нарастающем нравственном беспокойстве все определеннее обозначаются метафизические мотивы, все резче выступает вопрос о «последнем смысле». Осознается задача построить новое «учение о жизни» как ее оправдание, осуществить новый нравственно-богословский синтез, подвести под существующее здание Нравственного богословия прочный метафизический базис. Эта задача, завещанная дореволюционной эпохой, требует своего ответ-

ственного осмысления и творческого решения в наше время. Современное состояние Нравственного богословия определяется поиском научного подхода к созданию систем православной христианской этики. В условиях постепенного преодоления Россией последствий духовной и нравственной опустошенности становится особенно очевидным, что концепция, не утверждающая за человеком никаких вечных констант, лишает его бытие абсолютного нравственного смысла. Без присутствия в жизни высшего и священного начала человеческое существование становится унижением и пошлостью. Преодоление обреченности и бессмысленности личного существования достигается человеком в приобщении к благодатной жизни Церкви, воплощающей в своем бытии универсальное значение царственной победы Христа, воссоздавшего человека для вечной жизни в Боге в ее идеальной полноте. Об этой миссии Церкви призвано заявить и засвидетельствовать богословие нашего времени. Отсюда следует, что подлежащие изучению основные категории этики необходимо рассматривать в качестве абсолютных координат человеческого существования, открывающих личность в ее собственной неисчерпаемой глубине, в многоплановой перспективе ее возможностей и проявлений. В греческом богословии, как отмечает профессор С. Харакас, заслуживают внимания три основных направления в подходе к этике: Афинская, Константинопольская и Фессалоникийская школы, каждая из которых характеризуется своим особым специфическим методом. Представители Афинской школы подчеркивают, что нет жизненного различия между христианской и философской этикой, так как этика базируется на природе человеческого разума. Афинская школа стремится придать этике научный и академический характер и очень слабо опирается на наследие святых отцов, предпочитая философские источники. Представители Константинопольской школы рассматривают христианскую этику как учение о соответствии жизни испущенного человека евангельскому нравственному идеалу и уделяют большое внимание личному отношению человека ко Христу. Константинопольская школа опирается, главным образом, на библейские и патристические источники, особенно на восточных и западных отцов Церкви первых четырех веков. Фессалоникий-

ская школа черпает материал из поздних византийских источников. Ее представители подчеркивают экзистенциальный и персональный характер этики. Они обсуждают вопросы человеческого существования и учат о достижении личностью спасения в жизни Церкви. Задачей нашего современного отечественного богословия в области этики, как уже было отмечено, следует признать выработку универсальной, строго очерченной и глубоко онтологизированной этической концепции и создание на этой фундаментальной основе целостной нравственной системы¹.

¹ Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/5_14 (дата обращения 14.02.20.).

2. ТЕОРИИ ОБОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Осмысление темы в европейской традиции XIX–XX вв.

Слова нравственная природа человека указывают на то, что человек – не просто природное существо, что он не просто «животное общественное и разумное», как его в древности определял Аристотель. Сказать, что человек по природе своей есть существо нравственное – значит дать определение человека как существа, различающего добро и зло. И в таком случае именно этика становится фундаментальной наукой о человеке, ибо, по справедливому слову Н. О. Лосского, она «есть наука о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека».

В одной лекции невозможно осветить все многообразие подходов к рассмотрению проблем этики в XIX и XX веках. Придется ограничиться лишь некоторыми из них, но при этом так, чтобы увидеть наиболее существенные линии, по которым шло развитие нравственной философии этого периода. Представляется интересным остановиться на той полемике, которая уже более двух столетий ведется между двумя направлениями в этике; с известной долей условности их можно обозначить как натуралистическое и антинатуралистическое, или метафизическое обоснование нравственности. Первое ищет предпосылки этических принципов в природе, которые не вполне одинаково трактуются у различных представителей натурализма. Второе пытается обосновать абсолютную этику, не считая возможным свести нравственное начало к чему бы то ни было другому.

В XIX в. натуралистическая этика представлена в учениях утилитаризма, наиболее известными представителями которого являются Иеремия Бентам (1748–1832) и Джон Стюарт Милль (1806–1873), эволюционизма, обоснованного в трудах Чарльза Дарвина (1809–1882) и Герберта Спенсера (1820–1903), и философии жизни, возникшей в последней четверти века, получившей разные формы у Фридриха Ницше (1844–1900), Вильгельма Дильтея (1833–1911) и Анри Бергсона (1859–1941), творчество которого в основном приходится уже на XX век. Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести и социоцентристские концепции этики; наиболее значительными представителями соци-

оцентризма в XIX в. были Огюст Конт (1798–1857), Карл Маркс (1818–1883) и Эмиль Дюркгейм (1858–1917).

2.1. Утилитаризм

Этика утилитаризма опирается на позитивизм, который унаследовал традиции английского эмпиризма с характерным для него психологизмом и неприятием метафизики (Т. Гоббс, Джон Локк, Д. Юм). Утилитаристы придерживаются в этике принципа эвдемонизма, по которому целью человеческой жизни является обретение счастья, а средством достижения этой цели становится создание такой системы жизни, при которой общая сумма удовольствий превышает бы сумму страданий. Согласно Миллю, добродетель – не цель сама по себе, а лишь средство к достижению счастья. Считая психологию фундаментом философии, а эмпирический опыт – источником всякого знания, Милль не признает никаких надвременных, вечных идей, в том числе и нравственных принципов; последние, по его убеждению, вырастают из опыта и изменяются в ходе истории. Неизменным остается только стремление человека к удовлетворению своих желаний и чувство удовольствия, которым это удовлетворение сопровождается. Задача этики, как ее понимает утилитаризм, состоит в том, чтобы найти условия, при которых можно обеспечить максимальное счастье для наибольшего числа людей. Таким условием является принцип пользы, который позволяет избежать чисто эгоистического понимания счастья: тот, чья деятельность приносит пользу, содействует не только своему, но и общему счастью. Польза, таким образом, служит для утилитаристов объективным критерием нравственности поступка.

Характерное для английской философской традиции индуктивно-психологическое обоснование знания Милль объединяет с «позитивной» наукой об обществе О. Конта, что придает его этике социоцентрический характер. Утилитаристская этика получила широкое распространение в XIX в. Под ее влиянием Николай Гаврилович Чернышевский формулировал принципы этики “разумного эгоизма” (напр., когда известно, что ожидаемый ребенок будет инвалидом, то лучше сделать аборт, дабы в будущем государство не истощало свою казну на выплату пенсий подобным людям).

2.2. Эволюционизм

В отличие от этических теорий эпохи Просвещения – вплоть до Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, в которых принципы нравственности рассматривались неисторически, в позитивизме Конта и Милля появляется исторический подход к пониманию нравственности: она все чаще анализируется с точки зрения изменений, происходящих в обществе в ходе его развития. Этот подход становится определяющим в эволюционизме, в учениях Ч. Дарвина и Г. Спенсера, которые стремятся дать естественнонаучное обоснование натуралистической этики.

Дарвиновская теория естественного отбора, происходящего в органическом мире, когда в борьбе за существование выживают лишь наиболее приспособленные, была истолкована как общий принцип объяснения законов природного мира, включая и человека как одного из представителей животного царства. Так, Герберт Спенсер считал, что этическую теорию надо строить, исходя из эмпирически наблюдаемых законов жизни от одноклеточных организмов до человека. Он ставил перед собой задачу не только установить, какое поведение фактически признавалось хорошим или дурным, но и разрабатывать “рациональную этику”, то есть науку, выводящую нравственность из самих законов жизни. Вслед за Дарвином основной закон жизни Спенсер видел в приспособлении живых существ к условиям среды, благодаря чему достигается не только сохранение индивида и рода, но и полнота жизни, а она-то и есть счастье, то есть максимум удовольствий. Способность к таким образом понятому счастью есть, по Спенсеру, высший критерий совершенства человеческой природы, а содействие счастью – главное требование этики. Пытаясь с помощью эволюционной теории объяснить также и альтруистические мотивы в человеческом поведении (напр. Почему солдаты жертвуют своей жизнью ради других), Спенсер утверждал, что в ходе естественного отбора удалось сохраниться лишь тем индивидам и популяциям, которые в процессе развития стали получать удовольствие от удовлетворения не только чувственных желаний, но и более высоких стремлений – честолюбия, теоретического интереса, желания общего блага и т. д. Таким способом обосновываются моральные принципы, понимаемые как продукт естественно-

го отбора наиболее приспособленных видов. Как и утилитаризм, эволюционизм в этике эвдемонистичен: высшим этическим благом его представители считают максимум удовольствия для наибольшего числа людей. Парадоксальность попыток обосновать высшие нравственные принципы с помощью натуралистических аргументов, особенно тех, что опираются на теорию естественного отбора, отметил В. С. Соловьев с присущим ему остроумием: «Человек произошел от обезьяны, поэтому будем любить человека».

2.3. Социоцентризм

К эволюционизму тесно примыкает философское течение, которое мы назвали социоцентризмом. Оно представлено в XIX в. прежде всего О. Контом и К. Марксом, а также Э. Дюркгеймом, чье творчество приходится на конец XIX–XX вв. Хотя ни Конт, ни Маркс не создали специально этической теории, однако их влияние во всех областях духовной жизни было очень сильным, поэтому коснуться их воззрений необходимо для понимания общей картины духовного развития в XIX в. И Конт, и Маркс ставили перед собой задачу “возвысить” историческую науку до уровня естествознания, которое оба они рассматривали как образец строгой научности. В этом сказались их общая позитивистская ориентация в философии и натуралистическая ориентация в трактовке проблем нравственности. Правда, в творчестве Маркса позитивистские мотивы под влиянием Гегеля приобрели несколько иное по сравнению с позитивизмом Конта звучание: диалектика общественного развития, в основе которой у Маркса лежит гегелевский принцип противоречия, закон борьбы противоположностей, носит не просто драматический, но, если так можно выразиться, кровавый характер.

Пытаясь установить естественный закон истории, Конт принимает его в виде принципа трех стадий, через которые проходит общество в своем развитии: теологическую, когда человек объясняет все явления действием сверхприродных сил, метафизическую, когда он трактует эмпирический мир сквозь призму общих понятий, позволяющих якобы увидеть умопостигаемую основу реальности, и, наконец, позитивную, когда с помощью естественных наук он получает возможность адекватного познания мира, который преобразует с помощью техники и промышленно-

сти. Познание должно ограничиваться, по Конту, установлением отношения между явлениями; не следует искать никакого абсолютного начала, которое стояло бы за явлениями. Исторический метод Конта приводит его к выводу, что есть только один абсолютный закон: все в мире относительно. Такой релятивизм – не самая прочная база для построения этики. Тем не менее в позитивизме Конта этические принципы еще не утрачивают своего значения; в поздний период творчества Конт в своей “религии Великого Существа” – Человечества находит место даже религиозным чувствам, ставя законы сердца выше законов разума.

Он хотел сказать, что на определенном этапе истории человечеству была необходима религия, но с течением времени такая необходимость теряет свою актуальность.

В своей материалистической философии истории Маркс, как и Конт, в качестве субъекта исторического развития, которое носит необходимый характер, подобно процессам природы, рассматривает общество в целом; однако он видит определяющее начало социальной жизни не в развитии знания, как Конт, а в экономических отношениях, составляющих конечные мотивы всякой человеческой деятельности. Именно экономика, по Марксу, составляет материальный базис общества, тогда как право, религия, философия и, конечно, этика представляют собой идеологическую надстройку, отражающую классовые интересы различных слоев общества. Мораль с этой точки зрения наиболее отчетливо защищает классовые интересы, а потому Маркс, унаследовав от Гегеля критическое отношение к морали, без смущения говорил о том, что мораль – это полицейский, пересаженный внутрь человека. «Маркс, – пишет Б. Вышеславцев, – возвел в принцип ту установку сознания, которая в XIX в. стала всеми молчаливо признаваться <...> Всякий буржуа практически был “экономическим материалистом” и еще продолжает им оставаться. Маркс обличает буржуазию не за то, что она ценит “экономический фундамент” и крепко верит в него, – а за то, что она лицемерит и проповедует “дух” и “духовность” для успокоения души. Довольно ханжества, говорит Маркс, скажем то, что все давно думали: все построено на экономическом фундаменте, на удовлетворении потребностей и на интересах...».

Однако и случай с Марксом, как и с другими имморалистами, свидетельствует о невозможности уничтожить нравственное начало, составляющее природу человеческого существа: теоретически не признавая значимости морали, Маркс то и дело морализует, разоблачая эксплуатацию и обличая своих политических противников: поистине «морализующий имморализм», как назвал это противоречие марксовской позиции Вышеславцев.

2.4. Философия жизни

Рассмотрим теперь последний из вариантов натурализма в этике XIX в. – трактовку нравственности в философии жизни. Философия жизни – это направление, рассматривающее все сущее как форму проявления жизни – изначальной реальности, не тождественной ни духу, ни материи и постигаемой с помощью непосредственного переживания – интуиции. Наиболее влиятельные представители философии жизни – Фр. Ницше, Вильгельм Дильтей и А. Бергсон. Их творчество во многом определило характер философии последней четверти XIX века и XX века, (основные сочинения Бергсона вышли уже в XX в.), особенно таких ее направлений, как экзистенциализм, персонализм, неогегельянство; немалое влияние философия жизни оказала и на русскую религиозную философию XX века.

Как и немецкий романтизм конца XVIII – начала XIX вв., к которому тяготеет философия жизни, названные мыслители отталкиваются от механистически-рассудочного мировоззрения, характерного для позитивизма, стремясь к «единению с природой», к пантеистически окрашенному слиянию с ее космическим ритмом. В этом смысле русский космизм имеет немало точек соприкосновения с философией жизни.

Многозначное понятие “жизни” берется здесь прежде всего в его биологически-натуралистическом смысле как бытие живого организма; как естественное – в противоположность искусственному, сконструированному; как целое – в противоположность конгломерату механических частей. Как натуралистический биологизм можно охарактеризовать воззрения Ницше, формировавшиеся первоначально под влиянием А. Шопенгауэра, чье понятие воли весьма близко к понятию жизни. В работе молодого Ниц-

ше «Рождение трагедии из духа музыки», очаровавшей несколько поколений поэтов и философов, дионисийское начало, то есть в сущности «воля» Шопенгауэра, противопоставляется аполлоновскому, то есть миру представления. Позднее Ницше испытал сильное влияние дарвинизма и позитивизма и в свете своих новых идей переосмыслил Шопенгауэра, перевернув его «ценностную шкалу», что коснулось прежде всего принципов этики. Этика Шопенгауэра, как и его философия, носит глубоко пессимистический характер. В ее основе лежит чувство сострадания, которое для Шопенгауэра есть высшая добродетель. Основным человеческим пороком Шопенгауэр считает эгоизм, порожденный началом индивидуации и питаемый никогда не могущим быть удовлетворенным стремлением воли к получению удовольствий. Только отказ от влечений может, по Шопенгауэру, освободить человека от страданий вечно неудовлетворенной воли.

Ницше совершил «переоценку ценностей»: не отказ от воли, то есть от жизни как таковой, не стремление к вечному – сверхвременному, потустороннему – бытию, а радостное утверждение жизни со всеми ее страстями, которая есть единственная реальность, поскольку никакого потустороннего начала не существует, – вот к чему зовет Ницше, возвращаясь к эвдемонизму в этике. В морали сострадания он видит проявление рабской психологии, общей, по его убеждению, у Шопенгауэра с христианством. Христианскую этику ненасилия и любви к ближнему Ницше считает плодом рессантимента – мстительного чувства слабых и низких к сильным и благородным, носителям воли к жизни в ее высшей форме – воле к власти. Основные принципы Ницше, в последний период жизни претендовавшего на роль реформатора морали, – романтика силы, воинствующий атеизм и война против христианства, утверждение безграничного индивидуализма и относительности всех ценностей – как теоретических (истина), так и этических (добро). Абсолютной ценностью для Ницше является лишь сверхчеловек, освободившийся от рабской морали, и его воля к самоутверждению.

«По ту сторону добра и зла» (1886) – этапная работа Фридриха Ницше, которая предвдвуряет заключительный, наиболее интенсивный период его творчества, отмеченный подведением фило-

софских итогов предшествующей человеческой истории и предвидением важнейших социальных и духовных коллизий XX века. Идея сверхчеловека, сформулированная в книге «Так говорил Заратустра», развивается в новом сочинении Ницше в форме отточенных аналитических афоризмов, в которых сконцентрирована острая авторская критика современности – ее философии, науки, искусства, политики и, главное, морали. На страницах этой пророческой работы («По ту сторону добра и зла»), не случайно имеющей подзаголовок «Прелюдия к философии будущего», немецкий мыслитель предсказал и грядущий распад европейской духовности, и «восстание масс» с последующим воцарением «грядущего хама», и нивелирование личности под флагом всеобщего равенства людей, и грандиозную борьбу за мировое господство, и тоталитаризм как следствие демократизации Европы.

Как видим, натуралистическое направление в этике представлено очень разными концепциями: ницшеанское требование преодоления морали имеет мало общего с утилитаризмом, искавшим «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». Их роднит лишь убеждение, что не существует абсолютной этики, имеющей свои корни в сверхчувственном, сверхвременном бытии. Но если в утилитаризме и эволюционизме природное начало рассматривалось как основа нравственных норм, которые сохраняли свою значимость, то у Ницше природа в сущности поставлена на место нравственности, природные инстинкты – на место этических требований. Такую точку зрения правомерно назвать аморализмом. Именно аморализм выражается в требовании Ницше встать по ту сторону добра и зла.

Романтически-аристократический индивидуализм с его культом героя, увиденный сквозь призму биологии и, в частности, дарвинизма, на пороге XX века санкционировал безграничный произвол сверхчеловека.

Тут, однако, может возникнуть вопрос: почему же, тем не менее, учение Ницше оказало сильное влияние на европейскую культуру конца XIX – начала XX веков? И не только на философию, но и на поэзию, на литературу в самом широком смысле слова?

Во-первых, заметим, что сочинение Ницше «Так говорил Заратустра», получившее наибольший резонанс в мировой литерату-

ре, – не философский трактат, а поэма, автор которой выступает в роли пророка новой религии – культа природы. Как мастер слова Ницше необычайно талантлив. Насколько скудна его собственная философская аргументация, настолько же богат и прекрасен язык его лучших сочинений, с трудом поддающийся адекватному переводу. Если добавить, что Ницше еще и глубокий психолог, которого в этом отношении можно сравнить разве что с его современником Достоевским, то можно понять источник огромной суггестивной силы его произведений. И во-вторых: не забудем, что своей кульминации влияние Ницше достигло в первой трети XX века, как раз в тот период, когда и в Европе, и в России сложилось массовое общество. А в массовом обществе на первый план выходит именно эмоциональное воздействие – и тут Ницше имеет мало равных. О философской же стороне его творчества судить могут сравнительно немногие.

Подводя итог рассмотрению натуралистической этики, мы можем сказать, что ее представители не могут дать обоснования объективности нравственных норм и тем самым разрешить вопрос, в чем же состоит сущность нравственности.

Натурализм не утратил свое влияние и в нашем столетии. Скорее напротив: позиции натурализма в этике нашего века, пожалуй, более сильны, чем в XIX столетии. Такие влиятельные философские направления, как неопозитивизм, прагматизм, марксизм, фрейдизм и неопрейдизм, различные варианты социотризма и этноцентризма, развивающего принципы эволюционизма и философии жизни, – все они защищают различные варианты натуралистической этики.

В формировании массового сознания особенно большую роль играли и играют марксизм, ницшеанство и фрейдизм. При всем различии теоретических предпосылок этих философских направлений они защищают в этике принципы натурализма и видят в морали идеологическое образование, содержание которого определяется либо классовыми интересами (Маркс), либо биологически-психологическими мотивами (Ницше, Фрейд). В основе этих мотивов лежит или воля к самоутверждению (в прямой форме или в виде рессантимента как самоутверждения слабых и низких), или вытесненная сексуальность. Во всех трех слу-

чаях мы видим “игру на понижение”, отрицание объективного значения нравственных ценностей и норм. Мне думается, что кровавая история нашего века, века революций, мировых и гражданских войн, принесших гекатомбы человеческих жертв, в немалой степени определялась этическим нигилизмом этих учений.

2.5. Антинатурализм

Второе направление в нравственной философии XIX века – антинатурализм. Его представители стремятся создать абсолютную этику, принципы которой не могут быть ни выведены из чего-либо другого, ни сведены к другой реальности. Нравственное начало выступает здесь как самоценное, как цель сама по себе, а человек рассматривается как существо, нравственное по своей природе. Если натуралистическая этика по своему характеру эвдемонистична (счастье), то абсолютная этика может быть названа перфекционистской (*perfectio* «совершенство» – лат.), поскольку она ориентирована не на достижение счастья, а на нравственное совершенство человека.

Для антинатуралистической этики характерна критика психологизма и отстаивание внеэмпирического (вне опыта) характера и надвременного значения нравственных законов.

Высшую оценку нравственного начала в человеке дал Иммануил Кант (1724–1804). «Нигде в мире, да и нигде вне его, – пишет Кант, – невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли <...> Добрая воля добра не благодаря тому, что она приводит в действие или исполняет; она добра не в силу своей пригодности к достижению какой-нибудь поставленной цели, а только благодаря волению, то есть сама по себе». Даже если бы добрая воля в силу внешних обстоятельств не могла достигнуть своей цели, «все же она сверкала бы подобно драгоценному камню сама по себе как нечто такое, что имеет в самом себе полную ценность. Полезность или бесполезность не могут ни прибавить ничего к этой ценности, ни отнять от нее»¹.

¹ Гайденок П. Теории обоснования нравственности // Альфа и Омега. 1999 – 2000. № 22, 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/teorii-obosnovaniya-nravstvenn..> (дата обращения 14.02.20.).

Нравственность, таким образом, имеет абсолютный характер, и лишь поскольку человек в своих действиях руководствуется доброй волей, а не природными влечениями (всегда, по Канту, эгоистически партикулярными), он получает свое высокое достоинство. Добродетель, по Канту, есть не средство для достижения счастья, как считают представители натуралистической этики, а самоцель; достижение счастья лежит за пределами сферы нравственности. Кант убежден, что эти два мотива человеческих поступков – жажда счастья и стремление действовать в согласии с законами нравственности – исключают друг друга, и потому глубоко нравственный человек, как правило, не бывает счастлив. Кантовская этика здесь последовательно ригористична.

Из принципов абсолютной этики Канта исходит также И. Г. Фихте, который не только признает примат практического разума над теоретическим, но и видит в нравственности предпосылку онтологии в целом. Фихте снимает не переходимую для Канта грань между чувственным и умопостигаемым мирами, превращая таким образом этические принципы в универсальные законы бытия.

Разведение бытия и долженствования, характерное для Канта и Фихте, послужило предпосылкой создания теории ценностей, которая разрабатывалась в этических учениях не только XIX, но и XX вв. Первым, кто ввел в философию сам термин «ценности», был немецкий философ Рудольф Герман Лотце (1817–1881), чье учение сформировалось под влиянием Лейбница и немецкого идеализма, особенно Канта и Фихте. Философию Лотце можно охарактеризовать как телеологический, или этически-религиозный идеализм. Убежденный в том, что благо есть основа бытия, Лотце видит в этике фундамент и метафизики, и логики.

Дальше теорию ценностей развил ученик Лотце, Вильгельм Виндельбанд (1848–1915). С его точки зрения, релятивизм (методологический принцип анализа и интерпретации познания, мировоззренческих систем, культуры, состоящий в абсолютизации качественной нестабильности явлений, их зависимости от различных условий и ситуаций. Из такого подхода вытекает отрицание каких-либо субстанциальных (сущностных) моментов, сторон в вещах, научных теориях, моральных нормах и т. д.) – это смерть философии, последняя может существовать лишь на

основе признания общезначимых ценностей. Виндельбанд рассматривает ценности как нормы, которые образуют все функции культуры и в особенности нравственной жизни человека.

Хотя основные работы Виндельбанда были написаны в последней четверти XIX века, тем не менее, наибольшего влияния его идеи достигли уже в XX столетии. Вместе с Виндельбандом и другими неокантианцами – Генрихом Риккертом (1863–1936), Германом Когеном (1842–1918), Паулем Наторпом (1854–1942) и Эрнестом Кассирером (1874–1945) мы, таким образом, уже входим в XX век.

Завершая краткий обзор теорий абсолютной этики, нельзя не сказать о религиозной этике, представители которой стремятся дать теистическое обоснование нравственных ценностей и таким образом создать не автономную, а теонормную этику. К этому направлению можно отнести этические учения французских католиков-неотомистов (Жак Маритен (+1973), Этьен Жильсон (+1978)), протестантской теологии (немцы Рудольф Бультман (+1976), Пауль Тиллих (+1965) и другие), русской религиозной философии (Н. О. Лосский (+1965), Симеон Людвигович Франк (+1950), Сергей Николаевич Булгаков (+1944), Борис Петрович Вышеславцев (+1954) и другие). Ярким примером теонормной этики XX в. является нравственная философия Н. О. Лосского (1870–1965), которая восходит к теонормной этике Владимира Сергеевича Соловьева и питается не только от православной традиции, но и от русской литературы XX в., особенно творчества Ф. М. Достоевского. Немалое влияние на формирование этического учения Лосского оказали нравственная философия М. Шелера и Н. Гартмана, исходивших, как и Лосский, из интуитивистской теории познания. В своей работе «Условия абсолютного добра» (1949) Лосский поясняет, что предпосылкой христианской теонормной (заповеданной Богом) этики служит аксиологический опыт, непосредственное восприятие объективных абсолютных ценностей в связи с высокими чувствами, интенционально направленными на них. Русский философ, как видим, опирается на эмоциональный интуитивизм М. Шелера для построения нормативной теонормной этики. Лосский характеризует свою нравственную философию как этику Абсолюта. Абсолютное добро как верховная нрав-

ственная ценность, стоящая на вершине всей пирамиды ценностей, есть Царство Божие. Теономная этика Лосского отличается от автономной этики Канта тем, что ее нормы соответствуют воле Божией и строю мира, Им сотворенному. По своему характеру теономная этика есть этика любви, а не долга; как и Шелер, Лосский ставит «законы сердца» выше законов разума, хотя никогда резко не противопоставляет их. Аскетические мотивы кантовской этики долга Лосский считает важными для любого варианта христианской этики; более того, он видит положительное значение кантовской критики гетерономной этики, подчеркивая, что и теономная этика не является гетерономной.

Чтобы аргументировать этот не вполне очевидный тезис, Лосский приводит такой довод: содержание нравственных заповедей «есть нечто ценное само по себе и потому достойное исполнения даже и с точки зрения того существа, которое, заблуждаясь, отвергает бытие Бога. Отсюда ясно, что теономная этика включает в себя ценные стороны автономной этики, отбрасывая соблазн гордыни, кроющийся в понятии автономии как «самозаконодательства»: строго говоря, тут нет самозаконодательства, потому что нравственные нормы не творятся моей волей, а содержат в себе усмотрение объективной ценности должного. При этом свобода моя сохраняется: я могу высказать норму, признать ее обязательной и все же не исполнить ее».

Вот категорический императив теономной этики, как его формулирует Лосский: люби Бога больше, чем себя; люби ближнего, как себя; достигай абсолютной полноты жизни для себя и всех других существ. Только исполняя эти требования, человек реализует идеал совершенства – высший для христианской этики; ибо в Евангелии сказано: будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный.

Мы объединили целый ряд этических учений на основании общего для них стремления создать антинатуралистическую, абсолютную этику, хотя как по своим общефилософским предпосылкам, так и по характеру аргументации эти учения весьма различны.

В рамках одной статьи невозможно дать всесторонний анализ концепций абсолютной этики и показать, в чем состоит сила

и слабость каждой из них. Однако необходимо признать, что представители абсолютной этики в состоянии решить вопрос о нравственной природе человека и создать этику как науку о нравственном добре и зле.

И сегодняшняя ситуация в России воочию являет нам истину утверждения, что именно духовное, нравственное начало составляет фундамент человеческого общества, в том числе его здоровой экономики и политической стабильности. Вот почему наша тема – о нравственной природе человека – приобретает особую остроту и актуальность, далеко не только теоретическую¹.

¹ Гайденок П. Теории обоснования нравственности // Альфа и Омега. 1999 – 2000. № 22, 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/teorii-obosnovaniya-nravstvenn..> (дата обращения 14.02.20.)

3. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

3.1. Естественный нравственный закон в учении ап. Павла

«Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах» (Рим. 2:14–15).

В учении апостола Павла о естественном нравственном законе можно выделить следующие основные положения. Естественный нравственный закон дан Богом и является общим достоянием всех людей.

Это закон разума, ориентирующий каждого человека в выборе добра. Знание добра имеет не просто теоретический характер, но и внутренне обязывающую силу.

Все люди ответственны за нарушение требований нравственного закона и знают, что неповиновение закону влечет за собой будущее возмездие.

3.2. Естественный нравственный закон в учении отцов и учителей Церкви

Православный Восток связывал учение о естественном нравственном законе с глубоким христианским опытом. Здесь всегда имелась в виду цель спасения и обожения человека. Среди христианских апологетов особого внимания заслуживает свидетельство Афинагора, который пишет, что Бог сотворил человека из бессмертной души и тела и дал ему разум и внутренний закон для сохранения всего того, что было дано человеку Богом как нечто необходимое для его существования и жизни.

Отцом учения о естественном нравственном законе следует считать святого Иустина Философа. Святой Иустин учит о Христе как Предвечном Логосе. Человеческий разум и нравственная мудрость имеют свое начало во Христе. Основное положение учения святого Иустина состоит в том, что Бог сотворил человека способным избирать истину и поступать справедливо. Свой взгляд на естественный нравственный закон святой Иустин Философ яснее всего излагает в «Разговоре с Трифоном-иудеем». «Бог установил то, что всегда и везде является справедливым, и любой народ знает, что блудодеяние, супружеская измена, убий-

ство и тому подобное есть грех. И всякий человек, совершающий такие дела, не может освободиться от мысли, что совершает беззаконие, за исключением людей, одержимых нечистым духом или испорченных плохим воспитанием и привычками».

Другой представитель ранней патристики – святой Ириней Лионский говорит, что при творении Бог вложил в человека восприятие нравственного закона: Он дал ему знание добра и зла, и это знание состоит в том, чтобы верить и повиноваться Богу и исполнять Его заповеди.

Климент Александрийский, следуя святому Иустину Мученику, стремится обогатить христианскую мысль всеми достижениями греческой философии. Он отмечает, что знание добра и зла достигается человеком посредством естественного закона, данного Богом: «От Бога закон природы и закон Откровения, которые составляют нечто одно».

Ориген, рассматривая человека как образ Божий, выделяет способность человека правильно поступать. Согласно Оригену, эта способность присуща человеку, благодаря установленному Богом естественному закону.

Замечательные рассуждения о естественном нравственном законе мы находим у Тертуллиана. Он пишет: «Итак, прежде Моисеева Закона, написанного на каменных скрижалях, существовал неписанный закон, который обыкновенно понимался естественным образом и соблюдался предками».

Тертуллиан говорит, что естественный нравственный закон является общим для всего человечества, и учит, что все совершенное человеком против природы должно заслужить осуждение среди людей, как нечто позорное и ужасное. На вопрос язычников, что такое закон, Тертуллиан отвечает: «Вы спрашиваете о законе Божиим – он общий для всего человечества и высечен на скрижалях нашей природы, на которые указывает апостол».

Святой Мефодий Олимпский в своей теодицее «О Воскресении» ссылается на естественный нравственный закон, который побуждает наши мысли к добру.

Таким образом, еще в доникейский период мы встречаем со стороны отцов и церковных писателей признание естественного нравственного закона. Следует, однако, упомянуть об отцах более

позднего периода, чтобы сделать вывод о том, что представление о естественном нравственном законе было четко определено патристической мыслью.

Епископ Евсевий Кесарийский учит: «Создатель всего сущего дал каждой душе естественный нравственный закон в помощника и союзника в деле совершения тех дел, которые нужно исполнять».

Святой Афанасий Великий говорит об оправдании древних праведников через естественный закон.

Святой Григорий Богослов пишет: «Бог дал нам пророков прежде всякого закона, и даже прежде них Он дал неписанный естественный закон, следящий за исполнением того, что следует исполнять».

Святой Василий Великий в своем «Шестоднев» высказывает мысль, что всеобщий порядок и гармония в сотворенном мире есть прообраз порядка в человеческой жизни.

О естественном нравственном законе говорят святой Кирилл Александрийский, блаженный Феодорит, святой Максим Исповедник, но наиболее полно из всех восточных отцов высказался святитель Иоанн Златоуст. Для него закон природы – это истинный закон и любой другой закон, который ему противоречит, следует считать ложным. Закон природы всеобщ и вечен, он является нравственным руководителем человечества: «Бог вложил в человека врожденный закон, который управляет человеком, как капитан кораблем или как наездник лошадью».

Таким образом, патристическая традиция рассматривает естественный нравственный закон как универсальную основу нравственной жизни человека и общества. Можно сказать, что отцы и христианские писатели Восточной и Западной Церквей патристического периода проповедовали нравственность естественного закона. При этом естественный нравственный закон понимался не иначе как в свете истины Божественного Откровения и тесно связывался со всем христианским опытом¹.

¹ Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/5_14 (дата обращения 14.02.20).

Отечественный богослов М. А. Олесницкий говорит, что совесть показывает, как в жизни человека отражается написанный Богом в глубине его сердца нравственный закон или воля Божья, т.е., насколько человеческая жизнь соответствует или не соответствует нравственному закону. Сама совесть не является нравственным законом или его источником. Олесницкий вторит ап. Павлу, говоря, что источником нравственного закона является сердце¹.

3.3. Содержание естественного нравственного закона

Признавая естественный нравственный закон в качестве всеобщего фундаментального этического принципа, мы в то же время не можем не замечать большого разнообразия кодексов морали, характерных для нравственных культур различных древних и новых обществ. Отсюда следует, что определение содержания естественного нравственного закона сводится к нахождению общего знаменателя, составляющего неотъемлемый элемент среди всего разнообразия нравственных норм. Так, из приведенного нами свидетельства святого Иустина Философа следует, что конкретное содержание естественного нравственного закона сводится к требованиям, которыми запрещаются убийство, прелюбодеяние и другие нравственные преступления и которые признаются в качестве необходимых нравственных предписаний в жизни различных народов. Становится вполне очевидным, что существует один общий источник, в свете которого вырабатываются правила и нравственные предписания, составляющие этическую основу личной и общественной жизни. Поэтому в целом патристическая традиция отождествляет содержание естественного нравственного закона с десятью заповедями Ветхого Завета. Сопоставляя естественный закон с законом, записанным на скрижалях, отцы Церкви указывают на существующую между ними внутреннюю связь. Богооткровенный закон раскрывает и конкретизирует содержание естественного нравственного закона. Изучение мировых религий убеждает нас в том, что в плане человеческих взаимоотношений ни одна религия не проповедует ничего, что могло бы противоречить Десятословию.

¹ Олесницкий М. А. Из системы нравственного богословия // ТКДА. К., 1888. №5. С. 26.

Таким образом, содержание естественного нравственно-го закона совпадает с основными понятиями, присущими нравственному сознанию каждого народа. В процессе культурно-исторического развития естественный нравственный закон облекался в те различные конкретные формы выражения, в которых открывалось его действительное содержание.

3.4. Естественный нравственный закон и православная этика

Как бы высоко мы ни ставили естественный нравственный закон, мы должны признать, что он указывает лишь на самый элементарный уровень нравственности и есть нечто вроде этики, приведенной к общему знаменателю. Христианам нет необходимости прибегать к естественному нравственному закону, имея более высокую и более совершенную этику в Евангелии. С точки зрения евангельской этики, мы не можем назвать человека нравственно совершенным, основываясь только лишь на том, что он – не убийца, не прелюбодей и не вор. Все наши представления и утверждения о добре и зле, о правильном и неправильном должны оцениваться в свете восточного православного богословия с его учением о личном спасении и обожении как главной цели назначения человека. Тем не менее в стремлении к нравственному совершенству и обожению мы не можем отбросить ни естественный нравственный закон, ни тождественный ему Богооткровенный ветхозаветный закон, так как традиция Церкви в ее историческом развитии, утверждая евангельскую этику, не исключала совершенно нравственного значения учения Ветхого Завета. Господь Иисус Христос часто напоминает о законе, данном в Ветхом Завете. Апостол Павел утверждает, что *«закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра»* (Рим. 7:12). Святые отцы Церкви заявляют о том, что желающий жить по Евангелию обязан соблюдать все заповеди. Святитель Григорий Палама в кратком очерке о заповедях Десятословия говорит: *«Таким образом, соблюдая их всей своей силой и живя ими, ты заложишь в свою душу сокровище благочестия и будешь угоден Богу»*.

Святой Симеон Новый Богослов, говоря о том, как душа соединяется с Богом, пишет: *«...Сияние благодати устанавливается в*

нас только после того, как соблюдены заповеди и достигнуты добродетели».

Таким образом, требования естественного нравственного закона и заповеди Ветхого Завета следует понимать как выражение такого стиля жизни и поведения, который ведет человека к исполнению его божественного предназначения. Предъявляемые к человеку нравственные требования постоянно совершенствуются и возвышаются. Примечательно, что апостол Павел указывает не только на необходимость исполнения нравственного закона, но и сам дает христианским общинам множество новых заповедей и указаний. Святые отцы Церкви, осуществляя руководство христианской жизнью, продолжали эту традицию, оставив нам в наследие духовно-нравственные наставления¹.

¹ Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/5_14 (дата обращения 14.02.20).

4. СТРУКТУРА БИБЛЕЙСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Одна из характерных черт библейской религии – теснейшая связь веры и этики. Язычники, хотя и знали определенные этические нормы, считали ритуал главной формой служения верховным силам (см. ст. Магия и Библия).

Между тем Священное Писание ставит в центр религиозной жизни нравственные заповеди, которые являются высшим ответом человека на благодать Божью.

Нужно подчеркнуть, что Библия не содержит единого свода этических принципов. В священных книгах этика дана в контексте ее поступательного движения: от первичных элементарных форм до абсолютного ее выражения в Евангелии Иисуса Христа. Новозаветная этика возвышается над ветхозаветной, упраздняя в ней все временное и сохраняя то, что имеет непреходящее значение. Такое динамическое раскрытие библейской этики соответствует различным уровням человеческого сознания.

4.1. Этика в раю

Ранние этапы библейской этики не имели развернутого кодекса поведения человека. Нет в Писании и прямых указаний на происхождение нравственности. Из Пролога Кн. Бытия можно заключить, что этика имеет два источника: саму природу богоподобного человека и Божественные заповеди. Первым людям заповедано лишь послушание Богу (запрет вкушать от Древа Познания), труд, охрана вверенной ему природы, единение в браке мужчины и женщины (Быт. 2:15–17 сл.). Грехопадение открыло путь распространению зла, что потребовало «оградительных» этических норм. Но в сказаниях Бытия о пращурах человечества об этих нормах говорится лишь косвенно. Так, прямой заповеди «не убий» еще нет, но Бытописатель показывает, что Каин понимает, что совершил преступление, убив брата (Быт. 4:1–16). Грехом является не только пролитие крови себе подобного. Хотя человек создан властелином твари, вначале ему не дано разрешения поддерживать свою жизнь за счет жизни животных (Быт. 1:28–29). Это право он получил лишь после Потопа (Быт. 9:3) в виде снисхождения к его немощи.

4.2. Этика эпохи патриархов

Следующий этап библейской этики отражен в истории патриархов. Обращаясь к Аврааму, Бог говорит: «Ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт. 17:1). Слово «непорочный» (евр. тамим) полисеманлично; оно означает искренность, простоту, честность, отсутствие порока. Призыв быть непорочным предполагает знание основных нравственных принципов, но в заповеди Аврааму они не перечисляются. По-видимому, во времена патриархов предки народа Божьего ориентировались и на общие этические нормы, существовавшие в окружающем их мире (пример таких норм можно найти в вавилонской и египетской письменности, в частности, в 125 гл. Книги Мертвых). О характере нравственного идеала патриархов можно судить по добродетелям Авраама (его миролюбии, гостеприимстве, справедливости, сострадании), по поступку Иосифа в доме Потифара (Быт. 39:6–18) и др. аналогичным примерам. В то же время Библия не замалчивает слабостей праведников, о ком бы ни шла речь: о Моисее, Давиде, пророках или апостолах (особенно 1–4 кнн. Цар.). Описание их грехов нередко смущало читателей Библии. Но Писание есть книга истины и не уклоняется от правды, какой бы горькой она ни была. В этом Библия послужила образцом для тех христианских летописцев и историков, которые беспристрастно изображали грехи членов Церкви на протяжении веков. Нравственной цели в Писании служит изображение как добра, так и зла. Библия учит, что человек – существо, изначально стоящее перед выбором между грехом и верностью Божьим заветам (см. ст. Грехопадение).

Этический монотеизм Моисея ознаменовал поворотный момент в истории ветхозаветной этики. Он впервые раскрыл ее конкретное содержание и со всей определенностью связал ее с религией. В Декалоге верность Богу и служение Ему неотделимы от принципов человечности (см. ст. Этический Декалог). Из 10-ти заповедей Моисеевых 5 (5–9) касаются отношений между людьми, причем последняя (10) заповедь имеет в виду уже не поступки, а помыслы человека. Но если в Декалоге большинство заповедей носит запретительный характер, то в примыкающей к нему Книге Завета (Исх. 21 сл.) мы находим уже позитивные нравственные заповеди, в частности, повеление воздавать добром за зло (Исх. 23:4–5), заботиться об угнетенных и обездоленных.

4.3. Этика Пятикнижия

Этика Пятикнижия, хотя и не тождественна правилам уголовного законодательства, включенного в Моисеевы книги, однако тесно связана с ним. Суть этого законодательства заключена в справедливости. Наказание не должно превышать преступления (в этом смысл слов: «око за око, зуб за зуб»). Справедливость имела не лично–нравственную, а социальную природу. «Только таким образом было возможно защитить права граждан и сам социальный порядок в обществе, грубом, подчас почти анархическом. Мечь и правосудие становятся в такой ситуации почти синонимами» (Гальбиати). Следует отметить, что правовые нормы Пятикнижия многим были обязаны юридические традиции Древнего Востока (см. ст. Хаммурапи).

4.4. Этика пророков

Этический монотеизм пророков является высшей точкой ветхозаветной религии и этики. Пророки учили, что обряды теряют ценность, если их совершители попирают правду и милосердие. Бог не нуждается в вещественных дарах. Вся Вселенная – Его удел. Единственный подлинно ценный дар Богу и ответ на Его любовь – это любовь между людьми, добро, человечность, справедливость. Устами прор. Исайи Господь говорит:

Омойтесь, очиститесь;
удалите злые деяния ваши
от очей Моих;
Перестаньте делать зло,
научитесь делать добро;
Ищите правды;
спасайте угнетенного;
Защищайте сироту;
вступайтесь за вдову.
(1:16–17)

Прор. Михей восклицает:

О, человек! сказано тебе, что добро,
и чего требует от тебя Господь:
Действовать справедливо, любить дела милосердия
и смиренномудренно ходить пред Богом твоим.
(6:8)

В сферу этики пророки включают не только межличностные отношения, но и всю социальную жизнь (см. ст. Социальные интерпретации Библии). Они первыми ясно показали, что милосердие и спасение Божье распространяются не только на ветхозаветную Церковь, но и на все народы (см. ст. Универсализм и партикуляризм в Библии).

4.5. Этика Учительных книг

Всего учительных книг Ветхого Завета в составе Библии перевода 70-ти имеется семь. Из них 5 книг канонических: Иова, Псалтирь, Притчей Соломоновых, Екклесиаста и Песнь Песней; и две: Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова – неканонические.

Особенность учительных книг Ветхого Завета по содержанию и по форме изложения состоит в том, что предметом их учения являются преимущественно истины нравоучительные, определяющие религиозно-нравственное поведение ветхозаветного человека, и редко – чисто догматическое.

Если нравственные заповеди Пятикнижия, ставшего национальным законодательством, дополнялись главным образом правовыми уставами, а этика пророков начертала лишь общие контуры морального идеала, то этика Учительных книг насыщена многообразными конкретными деталями и касается самых различных сторон жизни. В ней нет ни «уставности» Закона, ни пророческого максимализма. Она гораздо более «земная», чем этика пророков. Наставления мудрецов имеют в виду среднего человека. Они заповедуют простые добродетели: умеренность, трудолюбие, правдивость, скромность, послушание, житейскую осмотрительность, честность и трезвость. Большое место в этике Учительных книг занимают любовь, семья, воспитание детей и дружба. Множественные афоризмы мудрецов, особенно в Притч,

Еккл и Сир, перекликаются с общечеловеческой житейской мудростью, отраженной в аналогичных писаниях Древнего Востока. Но было бы ошибкой считать этику Учительных книг «светской», стоящей вне основных принципов ветхозаветной религии. Все их поучения коренятся в вере, а благоговение перед Богом («страх Господень») рассматривается как корень жизненной мудрости (Притч 1:7). Писания Ветхого Завета не знают аскетизма в том виде, как он практиковался в Индии или в некоторых греческих религиозно-философских течениях. Роль аскетики в Ветхом Завете играли всевозможные формы воздержания: от запретной пищи, от недозволенных браков, от половой распущенности. Существовали и посты, назначавшиеся, как правило, в дни бедствий или траура. В ветхозаветной истории прослеживается и особая аскетическая тенденция, которая имела характер «нестяжания» и развивалась в кругах «бедняков Господних» (см. ст. Ананавим). Они энергично выступали против роскоши, излишеств, стяжательства. Особые аскетические правила были приняты в общинах назореев и рехавитов, которые отказывались от вина и не стригли волос (см. ст. Течения и секты).

4.6. Этика междузаветного периода

Междузаветный период характеризуется развитием двух этических тенденций. Одна продолжает линию пророков, вторая уклоняется в сторону законнического формализма (см. ст. Закон и законничество). Так, осуждение богачей и угнетателей в 1 кн. Еноха (апокриф) (44 сл.) несомненно находится в русле профетической этики. К тому же направлению принадлежит доктрина Кумранских текстов о двух путях жизни (ср. Пс. 1:6; ср. Мф. 7:13–14). «Дух Правды» выражается в смирении, долготерпении, милосердии и вере (Устав, IV, 3), а «дух Кривды» – в стяжательстве, нечестии, лжи, гордости, жестокости, нетерпении (там же, IV, 9–11). Сущность этого направления в этике междузаветного времени кратко выразил Гиллель: «Не делай ближнему того, чего себе не желаешь. В этом заключается весь Закон. Все остальное лишь комментарий к нему» (Шаббат, 30–31). Гиллель, скончавшийся в начале 1 в. н.э., сохранил и универсализм пророков. Между тем его современник и оппонент Шаммай был вырази-

телем иной тенденции. Он не только препятствовал язычникам обращаться к единому Богу, но всю этику ставил в строгую зависимость от сложнейшей системы обрядов. В его лице и в лице его последователей законничество отошло от этики пророчества, подчинив нравственную жизнь уставам галахи. Аскетизм в виде безбрачия появляется именно в междузаветное время. Наиболее яркими представителями аскетического движения этой эпохи были ессеи.

4.7. Преходящие аспекты библейской нравственности

Преходящие элементы этики допророческого периода. К таким элементам в первую очередь относится идея «священной войны» против язычников, позднее переосмысленная и ставшая символом духовной борьбы с мировым злом. Хотя военное законодательство Ветхого Завета имело гуманные черты (напр., Втор. 20:10), сохранились предания о том, что израильтяне нередко бывали беспощадны к врагам. Во времена Иисуса Навина они иногда следовали языческому обычаю войны на истребление («заклятие», евр. херём). При этом они ссылались на волю Бога. С точки зрения пророчества и тем более в свете евангельской Этики эти ссылки были формой ложно понятого антропоморфизма, который приписывал Богу злые человеческие страсти. В действительности жестокие обычаи тех времен обусловлены примитивным состоянием нравственности и теряют всякое обоснование в учении пророков-писателей. Так, если прор. Елисей вдохновил военачальника Ииуя на насильственный переворот (4 Цар. 9-10), то век спустя прор. Осия уже осуждает учиненное им кровопролитие (1:4). Преходящими элементами ветхозаветной этики являются полигамия и идея родовой ответственности детей за родителей. Впрочем, последняя была отвергнута еще в ветхозаветное время, когда прор. Иезекииль от лица Господня провозгласил: «Сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается» (18:20).

Иез.18:2. зачем вы употребляете в земле Израилевой эту половицу, говоря: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина»?

О такой же поговорке упоминает и пророка Иеремию (Иер. 31.29; ср. Плач 5.7). Незрелый виноград и теперь в Сирии кушается в громадном количестве; (Делич, *Job XV, 33*). Оскомина является тотчас по вкушении кислых ягод и скоро проходит: поэтому является совершенно невозможным предположение, чтобы она передавалась от отцов детям (*adductio ad absurdum*). Между тем, по мнению тогдашних иудеев, выраженному в этой пословице, действия Иеговы, наказывающего их настоящими бедствиями Иудеи за грехи отцов, напоминает наследственную передачу оскомины. Легко догадаться, как могла возникнуть эта пословица, от которой веет сомнением в правде Божией и самопревозношением потомков над предками. Пословица имела для себя видимые основания и в Священном Писании: Бог говорит Моисею, что Он наказывает детей за вину отцов до третьего и четвертого рода (Исх. 20.5; Лев. 26.39–40, но добавляя: «ненавидящих Меня», какое определение по грамматическому построению можно относить и к детям, и к отцам). И вот 3-й и 4-й род от нечестивого Манассии (Иоахаз, Иехония, Седекия – внуки и правнуки Манассии) караются. Даже Иосия, несмотря на свое благочестие, находит печальный конец в сражении у Мегиддо. И пророки возвещали, что за грехи Манассии Господь отвергнет от лица Своего Иуду (4 Цар. 24:3; Иер. 15:4); со времени Манассии, действительно, Иудее приходилось все хуже и хуже, несмотря на некоторые старания умиловить Иегову (ср. Иер. 44:18, 14:20, 18:12).

Язычество нередко трактовало грех как «сакральную скверну», как нечто, чем можно механически заразиться. «Скверна» была обусловлена воздействием демонов и злых богов. В какой-то степени такое восприятие греха существовало и на ранних стадиях религиозной истории Израиля. Обряд изгнания в пустыню козла, на которого «возлагали» грех народа («козел для Азазела», демона пустыни; в син. пер.: «козел для отпущения», Лев. 16:20 сл.) несет на себе печать подобных представлений. Однако со временем этот и аналогичные ему очистительные ритуалы стали истолковываться как указание на страшную разрушительную силу греха. Грех стал пониматься как попрание Завета, как измена Богу, как оскорбление Его Святости. «Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал», – говорит псалмо-

певец (Пс. 50:6). Предвосхищая тайну Креста, ветхозаветные пророки говорят о страдании, которое человеческий грех причиняет Богу (Ос. 11:8; Зах. 12:10).

4.8. Евангельская этика

Евангельская этика является этикой Нового Союза между Богом и человеком и поэтому не может рассматриваться лишь как продолжение ветхозаветной этики. Господь Иисус Своей властью переоценивает и преобразует нравственные заповеди Ветхого Завета (см. ст. Нагорная проповедь). Одни из них Он сохраняет, другие дополняет, а некоторые упраздняет. Он подтверждает заповедь о браке (Быт. 2:24; Мф. 19:5), о чистоте сердца (Пс. 23:4; Мф. 5:8), о смирении (Пс. 50:19; Мф. 11:29), о правде и справедливости (Ис. 33:15; Мф. 5:6), о милосердии (2 Цар. 22:26; Лк. 6:36). Любовь к ближнему, по слову Христову, является одной из двух главных заповедей (Лев. 19:18; Мк. 12:28 сл.), но понятие «ближний» в Евангелии не тождественно соплеменнику или единоверцу, а включает всякого человека (Лк. 10:25 сл.). Более того, этим человеком может быть и тот, кто причинил зло (Мф. 5:43–48).

В Нагорной Проповеди Господь углубляет заповеди Декалога «не убий» и «не прелюбодействуй», указывая, что даже гнев и нечистые помыслы являются грехом (Мф. 5:21–30).

Немалое число принципов ветхозаветной этики Евангелием полностью упраздняется. Вместо требования соблюдать клятву (Исх. 20:7) оно призывает к правдивости, для которой клятва не нужна и даже оскорбительна (Мф. 5:33–34). Юридический принцип «око за око, зуб за зуб», оправдывающий месть, заменяется законом прощения (Мф. 5:38 сл.). Допускаемый в Ветхом Завете развод (Втор. 24:1 сл.) приравнивается к прелюбодеянию (Мф. 5:31–32). Христос отменяет и деление пищи на чистую и нечистую (Мф. 15:11).

Евангельская этика предполагает абсолютную ценность каждой человеческой души (Мф. 18:10 сл.). Бог является для людей любящим Отцом (Лк 15:11 сл.), из чего вытекает идея человеческого братства.

Христос не учит о человеке как о существе добром от природы. Грех коренится в его сердце (Мк. 7:20–23) и делает человека

своим рабом. Путь избавления от греха есть путь к свободе (Ин. 8:31–36). Первый шаг на этом пути – покаяние. С призыва к нему и начинается Христос Спаситель Свою проповедь: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17). Когда Он говорит, что пришел призвать не праведников, но грешников (Мф. 9:13), Он имеет в виду людей, которые, подобно мытарю из притчи (Лк. 18:10 сл.), осознают свою греховность. Не случайно этот мытарь противопоставлен самодовольному фарисею, человеку, считающему себя праведным. Формально он не нарушал заповедей, но по существу оказался дальше от Бога, чем мытарь.

Для понимания евангельской этики очень важно рассмотреть обличения Христовы, направленные против показной праведности фарисеев (Мф. 23). 1) Фарисеи нередко творили добро не столько перед лицом Божиим, сколько из стремления завоевать похвалу людей (поэтому Господь называет их «лицемерами», или «лицедеями»); 2) они придавали большее значение обрядам, чем «важнейшему в законе»: справедливости, милосердию и вере; 3) они превращали свою «праведность в инструмент для власти над другими людьми. Фарисей из притчи осуждается не за то, что он соблюдал заповеди, а за то, что ставил это себе в заслугу, полагая, что выполнил «условия договора» с Богом. В «закваске фарисейской» полностью исчезал дух смирения и покаяния.

Евангельскую этику нельзя отождествлять с этикой само-совершенствования, разработанной в стоицизме и др. учениях. Христос говорит об исцелении грешника силой прощающего Бога, что, разумеется, не отменяет нравственных усилий самого человека. Люди призваны трудиться для умножения данных им даров (Лк. 19:11–27).

Основа Христовой этики заключается в победе над эгоизмом, в «отвержении себя» во имя любви к Богу и ближнему (Мф. 16:24). Призыв к такой самоотверженной любви Господь называет Своей «новой заповедью» (Ин. 13:34). Как Сам Он пришел для служения людям, так и они должны не властвовать, а служить друг другу (Мф. 20:20 сл.; Мк. 10:35 сл.; Ин. 13:13 сл.). Смирение как открытость к Богу и людям является антитезисом самости, замкнутости на себе. Примером такой замкнутости является богач из притчи, который пировал, не замечая нищего Лазаря у сво-

его порога (Лк. 16:19 сл.). Богатство вообще есть враг души, который питает эгоизм, подчиняет душу временному, делает человека глухим к голосу Бога и нуждам людей. Поэтому богатому трудно войти в Царство Небесное (Мф. 19:16 сл.; ср. Мф. 6:24; Лк. 12:13 сл.). Евангельская этика предполагает полное доверие человека к Богу, освобождающее его от суетности и гнетущей житейской озабоченности (Мф. 6:25 сл.).

Связь веры и этики показана Иисусом Христом в притче о домах, один из которых был построен на камне, а другой – на песке. Дом не тождественен фундаменту, но без него он не может устоять. Так и вера не может быть прочной, если не строится на основании нравственности (Мф. 7:24 сл.).

Евангельская этика не ставит границ нравственному возрастанию человека (в то время как этика фарисеев ограничивалась 613-ю заповедями). Ее идеал выражен в словах: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48). Этот идеал был не отвлеченным, а воплотился в реальной личности Иисуса Назарянина. «Научитесь от Меня», – говорит Он (Мф. 11:29). Он не только Сын Божий, Спаситель и Учитель, но и живой конкретный Человек, и Его пример служит для верных путеводным знаком¹.

4.9. Этика апостольских посланий

4.9.1. Этика посланий ап. Павла

Этика новозаветных посланий. Значительная часть писаний ап. Павла посвящена нравственным вопросам. Его этика является прямым продолжением этики пророков и Евангелия. «Новая заповедь» Христова о любви находит у него глубочайшее раскрытие. Средоточием учения апостола о любви является его гимн в 1 Кор. 13, который ставит любовь выше даров пророчества, познания, веры. В грядущем мире будет явлена полнота бытия; там не будет нужды ни в знамениях, ни в дарах, ни в надежде, ни даже в вере. Любовь же пребудет вечно. Поэтому еще здесь, в «веке сем», она есть «путь превосходнейший».

¹ Мень А., прот. Этика библейская // Библиологический словарь. М: Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 3. С. 474–480.

Признавая «святость», божественность нравственных заповедей Ветхого Завета (Рим. 7:12), апостол указывал, что в них не было исцеляющей силы, которая присуща только благодати Христовой. Нравственным заповедям противится падшая природа человека. Эти заповеди запечатлены в Ветхом Завете (для иудеев) и в законе совести (для язычников). Но и иудеи, и язычники сами по себе не в состоянии целиком выполнить Божьи заветы. Живя «по плоти», они находятся в рабстве у греха. Таким образом, этические принципы, данные человеку, делают лишь еще нагляднее факт его греховности и не освобождают от глубоких противоречий, терзающих человека.

Вера в искупительную силу Христа преображает принявших Его Весть, наделяет их силой жить «по духу». Но это не значит, что нравственные усилия в новой жизни больше не нужны. Необходимость их остается и тогда, когда благодать помогает человеку стать чадом Божиим.

Поэтому послания ап. Павла содержат многочисленные этические наставления. Сущностью их является любовь, которая и есть «исполнение закона», ставшее возможным для верующих во Христа (Рим. 13:9–10). Апостол заповедует *«нежность» друг к другу*, радость, неосуждение, взаимное служение, снисходительность к слабым в вере, доброе отношение к гонителям (Рим. 12:9–15). Члены Церкви не должны поддаваться соблазну разделений (1 Кор. 1:10 сл.), распутства (6:12 сл.), праздности (1 Фес. 4:11). «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – пишет он (2 Фес. 3:10).

Этика ап. Павла имеет эсхатологическую окраску, поскольку она ориентирована на близкую Парусию. Тем не менее апостол не одобрял тех, кто под предлогом скорого конца мира пренебрегал своими повседневными обязанностями.

4.9.2. Этика посланий ап. Иоанна

Эсхатологический характер имеет и этика посланий ап. Иоанна. Верующий должен помнить, что «мир» (т. е. «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская») не будет существовать вечно. С приходом Христа для «мира» настало «последнее время» (1 Ин. 2:15–18). Вечности принадлежит только любовь Божья.

Те, кто познал ее, призваны пребывать во взаимной любви. И любовь эта должна быть действенной. «Станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3:18). «Кто не любит, тот не познал Бога» (4:8).

4.9.3. Этика послания ап. Иакова

Послание ап. Иакова, в полном согласии с ап. Павлом и ап. Иоанном, учит, что «вера без дел мертва» (2:20).

Здесь нет противоречия с учением ап. Павла о вере и делах Закона, ибо сам апостол признавал лишь «веру, действующую любовью» (Гал. 5:6). Послание ап. Иакова конкретизирует многие стороны христианской этики. Оно предостерегает от искушения богатством, гордыней, от распрей и злословия. «Будьте же, – говорит апостол, – исполнители слова, а не слушатели только» (1:22).

В целом новозаветная этика может быть определена как этика любви. Это сделало ее уже в первые времена существования Церкви могучей преобразующей силой, в которой всегда нуждается человечество¹.

¹ Мень А., прот. Этика библейская // Библиологический словарь. М: Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 3. С. 480–481.

5. ДЕТЕРМИНИЗМ И ИНДЕТЕРМИНИЗМ

Детерминизм в этике – это концепция, отрицающая нравственную свободу выбора и рассматривающая нравственное поведение человека с точки зрения причинно-следственной обусловленности. Противоположностью детерминизма является индетерминизм, объявляющий безусловную независимость нравственной свободы как основного выражения личности. Проблема детерминизма и индетерминизма в этике предполагает, таким образом, существенно важный и принципиальный вопрос: что является основанием нравственного выбора – предопределенная необходимость или свобода.

Детерминисты отрицают свободу. Одни из них утверждают, что все в мире подчиняется законам Вселенной, в том числе и мораль. Зная законы, можно предсказывать явления. Если в настоящее время человеческое поведение предсказывать пока невозможно, то в будущем, когда о нем узнают больше, предсказание станет возможным. Человек поступает согласно действующим во Вселенной законам, которые направляют мировое развитие к всеобщей разумной цели. Это этика космической телеологии.

Другие детерминисты утверждают, что мораль определяется биологической эволюцией и есть результат эволюционного развития человека. Это так называемая эволюционная этика.

Некоторые детерминисты сходятся на том, что нравственный выбор определяется безотчетным стремлением человека к наслаждению и счастью. Это этика гедонизма и эвдемонизма.

Представители фрейдизма пытаются обосновать мораль на бессознательных влечениях человека, которые лишают его свободы выбора. Общий смысл концепции свободы у Фрейда глубоко пессимистичен. Свобода человека находится под двойным гнетом: со стороны его собственной природы и со стороны культуры. Человеческая культура не в состоянии искоренить первичные инстинкты в человеке, а человек с его инстинктами не может вынести ограничений, налагаемых на него обществом и культурой.

Наконец, свобода выбора отрицается в глубинной психологии, предметом исследования которой стали глубинные силы

личности, ее влечения и тенденции. В трактовке мотивов поведения человека глубинная психология отводит активную динамическую роль бессознательным мотивациям. Эта роль настолько значительна, что сам человек не может заранее знать, как он поступит в тот или иной момент, в той или иной ситуации.

Таким образом, с точки зрения всех детерминистских концепций, человек осуществляет нравственный выбор не свободно, а под воздействием определенных космологических, биологических и психологических законов, которые господствуют над человеком и определяют его нравственное поведение.

Детерминисты могут сказать, что человек считает себя свободным лишь потому, что он сознает свои желания и свои действия, но причины, которые их вызвали, он не сознает. Например, в ситуации выбора человек избирает ту цель действия, для которой разница между суммой привлекательных моментов и суммой неприятностей будет максимальной, но при этом он может забывать о том, что есть определенные природные и культурные факторы, которыми обусловлена ценность избираемой им цели. Следовательно, его выбор не является внутренне свободным, а предопределен внешними условиями.

В индетерминизме, наоборот, нравственный выбор и поведение человека всецело основаны на свободе. Свобода объявляется главным выражением личности. Хотя все в мире подчинено становлению, человек не подчинен ему окончательно. Он субъект своего становления, так как обладает свободой, и в его власти изменять процесс своего становления. Человек не обладает миром, а, наоборот, является его обладателем. Он преодолевает детерминизм и сообщает смысл процессу своего становления, предпочитая тот или иной закон существования. Он сознательно делает выбор и созидается в процессе становления как совершенная личность. Всякое человеческое решение имеет смысл, если оно связано с тем, что составляет самобытность личности. Свобода – самая существенная основа личности, ее фон и ее глубина.

В индетерминизме личность свободна, во-первых, от предопределения природой, во-вторых, от предопределения условиями среды и, в-третьих, от собственного прошлого. В свободе личности открывается глубина, богатство и динамика ее мно-

гообразных проявлений, которые нельзя вывести ни из каких причинно-следственных предпосылок, до конца объяснить и тем более предвидеть и предсказать. На основе творческого самоопределения личности формируется структура личности, осуществляется процесс ее самовыявления и самоосуществления.

В православном богословии интерпретация нравственного выбора в равной степени свободна от крайностей как детерминизма, так и индетерминизма. Православное богословие признает объективное значение природных и культурных факторов в нравственном выборе человека, но при этом оно воздерживается от преувеличения роли внешних детерминант в процессе формирования личности. Если детерминизм имеет в виду преимущественно эмпирический аспект человеческой свободы, то в индетерминизме подчеркивается ее трансцендентальный аспект.

Личность человека есть структура устойчивая, самобытная и оригинальная, но, вместе с тем, структура динамичная, открытая для выбора и осуществления различных возможностей, структура, всегда находящаяся в процессе развития и совершенствования. Становление личности совершается в диалектическом единстве внешней обусловленности и внутренней свободы, причем основной тенденцией в становлении личности является ее восхождение в направлении от эмпирической свободы к свободе трансцендентальной.

6. ДЕОНТОЛОГИЯ

6.1. Нравственное учение о долге

Нравственное учение о долге составляет один из важнейших разделов этики. В некоторых философских системах, в частности, в стоической философии и философии Канта, идее долга отводилось центральное положение. В XIX веке Бентам ввел в этику термин «деонтология», которым стали обозначать комплекс вопросов, связанных с понятиями долга и должного.

Понятие долга возникает и формируется в опыте повседневной жизни. Быть перед кем-то в долгу означает определенное внутреннее требование. Таким требованием может быть уплата материального долга или оказание взаимной услуги. Заплатить долг – значит, ответить благодеянием тому, кто в нужный момент оказал помощь или был в чем-то полезен. С этой точки зрения долг есть эквивалент добра, которым по закону справедливости оплачивается всякое благодеяние. Понятие долга теснейшим образом связано с понятиями достоинства и блага, являющимися важнейшими категориями этики. Эта связь прослеживается в каждом конкретном поступке, подлежащем нравственному анализу и оценке, и может быть выражена в следующих положениях.

Достойный поступок есть тот, который совершается во имя долга. Верность в соблюдении долга есть добродетель, достойная человека. Соблюдение долга есть всеобщее условие быть достойным блага.

В свете основных положений деонтологии благо и достоинство личности являются не внешними и случайными условиями ее бытия, а глубокими внутренними характеристиками личности, состоянием, достигнутым в результате правильной ценностной ориентации и нравственного выбора, осуществившихся в соответствии с идеальной установкой нравственного сознания.

6.2. Метафизический и этический аспекты должного

В Священном Писании понятие должного предстает в двух аспектах: метафизическом и нравственном. В метафизическом аспекте понятие должного воспринимается в значении Божественных предначертаний о человеке и мире. Уже первому чело-

веку дана была заповедь, устанавливавшая точное различие между понятиями должного и недолжного. Ветхий Завет представляет собой историю несовершеннолетнего человечества, нуждавшегося в Божественном наставлении не только относительно того-то следует считать должным, но и относительно указаний, что должно произойти. Центральным моментом во всей истории Божественного Домостроительства становится прощение согрешившего человека и его оправдание во Христе. Прощение человека Богом есть дар не меньший, чем дар бытия. Таким образом, в метафизическом смысле человек дважды становится должником перед Богом: в акте творения, когда получает дар бытия, и в Искуплении, когда получает дар прощения. Святой апостол Павел, говоря об Искуплении, использует взятый им из античной жизни яркий и впечатляющий образ: раб, выкупленный на свободу дорогой ценой (1 Кор. 7:23), должен дорожить своей свободой, чтобы оправдать свое Искупление. Соответственно этому пониманию оправдания исполнением долга являются стремление человека к свободе от греха и достижение заповеданных Богом нравственного совершенства и святости.

Метафизический аспект в трактовке понятия должного может быть истолкован также и в том смысле, что каждый человек должен исполнить в жизни определенную миссию. Метафизическим основанием жизненного предназначения всякого человека является миссия Христа, пришедшего в мир исполнить дело посланного Его Отца. По примеру Христову каждый человек должен исполнить в своей жизни предназначенное ему служение, которое, помимо своего ближайшего и конкретного смысла, включает в себе определенный метафизический смысл.

Нравственный аспект понятий должного и недолжного освещается в Священном Писании Нового Завета с точки зрения нравственного достоинства человека, утверждающего себя в новой жизни во Христе. Недолжным здесь признается все то, что противоречит естественному нравственному закону, голосу совести и христианским убеждениям, а именно: дела и поступки, оскорбляющие достоинство человека как образа Божьего или наносящие ущерб благу ближних. Должным здесь признается все то, что служит утверждению богоподобного достоинства человеческой

личности, благу ближних и славе Божией. В своем идеальном выражении метафизический и нравственный аспекты долга и должного совпадают. Согласно апостолу Павлу, исполнение христианского нравственного долга является достаточным оправданием любого человеческого призвания: верующий во Христа должен оставаться в том звании, в каком он призван к вере (I Кор. 7:20), поскольку вера в своем абсолютном и универсальном достоинстве предполагает верность долгу на всех ступенях призвания и служения, требующих самоотвержения и доблести.

6.3. Долг как сознание нравственной необходимости

Долг – это налагаемое на человека со стороны его разума требование поступать в соответствии с нравственным законом. Долг есть важнейшая санкция нравственного закона, который на уровне отдельной человеческой личности осознается в каждой конкретной ситуации как определенная нравственная необходимость. Долг является одной из высших форм нравственного сознания личности. Бог таким образом устроил человека, что ему присущи очень глубокие и очень утонченные формы нравственного опыта и умозрения. Всякий раз, когда человек встречается в своей жизни с явлениями нравственного добра, он их не может не узнать и не пережить. Это происходит потому, что существует заранее предустановленное соответствие между возможностями человека и нравственным идеалом. Идеал требует своего осуществления в жизни. Это требование становится тем внутренним императивом, который мы называем долгом. Отсюда следует, что в структуру содержания понятия долга входят следующие элементы.

Видение нравственного идеала.

Осознание его как ценности.

Желание его достижения ради высшего блага.

Решимость в осуществлении желаемой цели.

Все эти элементы формируют понятие долга в условиях естественной нравственности, где речь идет о конечных и относительных идеалах.

В жизни Церкви человеку открывается идеал безграничного совершенства. Учение Церкви создает основу для более углубленного понимания нравственного идеала и путей для его осуществления. Требования нравственного совершенства кажутся подчас безмерными и даже нереальными с точки зрения условий затемненного грехом бытия. Однако даруемая в жизни Церкви сверхъестественная благодать сообщает человеку творческие силы, дающие возможность нравственного усовершенствования. Сознание долга нравственного совершенства есть вызов ветхому человеку, коснеющему в безответственности и инертности. Когда нравственный идеал открыт, сознание долга не допускает никакого оправдания для уклонения от цели его достижения под предлогом обстоятельств или «запросов природы». Стремление к идеалу становится необходимой потребностью, потому что оно является не чем иным, как жизненным предназначением каждого человека.

6.4. Практическая деонтология Запада и православная этика

Православие, как отмечает протоиерей Сергей Булгаков, не знает автономной этики, которая представляет собой преимущественную область и своеобразный духовный дар протестантизма. В православном учении о нравственном долге нет того элемента гордости, который присутствует в практической протестантской деонтологии с ее подчеркиванием собственного достоинства личности и долгом человека перед самим собой. Другой деонтологии в протестантизме и не может быть. Исключив присутствие Бога из широкой области нравственной жизни и оставив лишь узкую доктрину морального толкования Священного Писания, протестантизм поставил индивида Нового времени в открытую, разомкнутую бесконечность, где единственной нравственной опорой его бытия становится автономия.

С другой стороны, Православию чужда и практическая мораль католицизма с ее делением на спасение и совершенство, на евангельские заповеди и евангельские советы, на должное и сверхдолжное. Так, Римская Церковь учит, что святые праведники достигли не только спасения, но и совершенства, поскольку

ку они в своей жизни исполнили не только евангельские заповеди, но и так называемые евангельские советы, и что поэтому они имеют «сверхдолжные заслуги». Православная Церковь, однако, никогда не учила в том смысле, что человек для своего спасения должен совершить некий необходимый минимум добрых дел и что все совершенное им сверх этого минимума составляет его сверхдолжные заслуги. Практическая деонтология Римско-Католической Церкви представляет собой естественный итог господства юридической теории в области объективной и субъективной сотериологии. В отличие от римско-католической юридической теории в православной сотериологии спасение человека понимается не как избавление от вечных наказаний, достигаемое благодаря наличию «заслуг», а как процесс духовного освящения и преображения человеческой личности, совершающийся по мере ее приобщения к Божественной благодати, источнику обожения и святости.

6.5. Обязанность как требование нравственного закона

Обязанность, как и долг, является санкцией нравственного закона. Требования нравственного закона носят императивный характер. Человек не может не сознавать, что написанный в его сердце нравственный закон объективно справедлив и требует выполнения. Необходимость выполнения нравственных требований осознается человеком как нравственная обязанность. С точки зрения структуры своего содержания, обязанность включает три важнейшие компонента.

Осознание требований нравственного закона.

Уважение к требованиям нравственного закона.

Внутреннее самопринуждение к выполнению требований нравственного закона.

Главным из этих трех компонентов является самопринуждение к выполнению требований нравственного закона, поскольку именно оно придает обязанности внутреннюю силу и ценность. Сознание обязанности объединяет нравственные силы личности и направляет их к выполнению конкретной задачи, стоящей пе-

ред человеком в данный момент и в данной ситуации. Как важнейшее проявление нравственного сознания, обязанность ведет человека к деятельному осуществлению добра и к нравственному совершенству.

Отмеченное выше положение, что обязанность так же, как и долг, является санкцией нравственного закона, ставит естественный вопрос о том, какое принципиальное различие имеется между понятиями долга и обязанности. На первый взгляд долг и обязанность, как два вида нравственного сознания, представляются настолько тождественными, что трудно уловить грань, разделяющую эти понятия. Однако в действительности реальное различие между долгом и обязанностью существует. Долг всегда предполагает необходимость расплатиться за какое-либо благодеяние. Нравственное сознание в этом случае напоминает о том, что за оказанное благодеяние нужно ответить взаимным благодеянием, услугой или пожертвованием. Например, исполнить нравственный долг перед Отечеством – значит заплатить ему верностью за те блага, в которых выражается забота Отечества о гражданском благосостоянии. Исполнение нравственной обязанности осуществляется в принципиально иной ситуации. Здесь уже не идет речь о какой-то моральной компенсации в отношении субъекта, требующего исполнения обязанности. Например, оказание милости нищему или страннику, встреча с которыми в силу своего эпизодического характера исключают конкретный долг, который может быть основан лишь на истории прежних взаимоотношений, является продиктованным исключительно сознанием нравственной обязанности. Нравственный долг в этой ситуации, строго говоря, исключен. О долге здесь можно говорить не в нравственном, а лишь в метафизическом аспекте, в том смысле, что все люди, как писал Достоевский, находятся в страшном долгу у Бога и что поэтому нужно стремиться совершать добрые дела.

Помимо нравственных обязанностей, диктуемых требованиями нравственного закона, жизнь налагает на человека различные служебные, семейные и общественные обязанности. Выполнение всего комплекса обязанностей может вызывать затруднения в виде так называемых коллизий обязанностей.

Коллизия обязанностей имеет место в такой ситуации, когда человек стоит перед необходимостью выполнить две или несколько обязанностей, в то время как реальная возможность позволяет выполнить лишь одну из них в ущерб другим. Отсюда следует, что каждый человек должен стремиться к тому, чтобы по возможности не допускать подобных ситуаций. Но если такие ситуации все же встречаются по воле независимых от человека обстоятельств, требуется правильная нравственная ориентация, чтобы суметь отличить главные, высшие или непосредственные обязанности от обязанностей, которые следует считать второстепенными. Следует также иметь в виду, что могут случаться не только реальные, но и мнимые коллизии обязанностей. Мнимые коллизии случаются тогда, когда место истинных нравственных ценностей заступают мнимые ценности, например, честолюбие вместо чести или высокомерие вместо достоинства. Здесь также требуется быть предельно точным, чтобы уметь отличить истинные нравственные ценности от мнимых и ложных ценностей¹.

6.6. «Сверхдолжные совершенства» и евангельские советы

В области свободной человеческой воли нет ничего такого, что было бы слишком высоким, слишком блистательным, чтобы ему подчиняться нравственному закону и определяться им.

В Римо-Католической Церкви существовало такое понятие, как продажа индульгенций (лат. *indulgentia* от лат. *indulgeo*, в долгу) – разрешение от наложенной Церковью епитимьи.

В эпоху Возрождения получило распространение ошибочное понимание индульгенции как отпущения грехов за деньги, причем независимо от таинства исповеди. Согласно католическому богословию, отпущение временной кары католики получают через заимствование из сокровищницы добрых дел заслуг Христа и святых. Индульгенция может быть частичной или полной, в зависимости от того, освобождает ли она частично или полностью от

¹ Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/5_14 (дата обращения 14.02.20.).

временной кары за грехи. Каждый католик мог получать индульгенции как для себя, так и за умерших.

Продажа индульгенции послужила поводом к тому, что в 1517 году Мартин Лютер открыто выступил против Римо-Католической Церкви.

В 1567 году папа Пий V полностью запретил предоставление индульгенции за деньги и иные пожертвования.

Тут не место писать богословский трактат о принципиальной разнице между индульгенциями и прощением грехов. Необходимо сказать лишь то, что избавиться от греха католик может только на исповеди. Другого пути получить разрешение Католическая Церковь (как, впрочем, и Православная) не знает. Широко распространенный миф о том, что индульгенция – это «прощение греха за деньги», не имеет ничего общего с католическим учением. Во-первых, индульгенция не является прощением греха, а во-вторых, еще с XVI в. в Католической Церкви запрещено выдавать индульгенции за денежные пожертвования.

Так что же такое индульгенция? Это освобождение человека от временного наказания за грех, вина которого ему уже прощена на исповеди. То есть, главное условие получения индульгенции – это исповедь. Человек, раскаявшийся в своих грехах, пришедший на исповедь и получивший прощение, после этого должен понести определенное наказание, соразмерное тяжести совершенных им грехов. Это наказание он несет здесь, на земле. Однако, при выполнении определенных условий это наказание может быть ослаблено или полностью с него снято. Вот это частичное или полное освобождение от наказания за грех и называется индульгенцией¹.

Римо-Католическая Церковь для подтверждения своего учения о сверхдолжном совершенстве ссылается на различие евангельских заповедей и евангельских советов. Католики основывают все учение о «советах» на месте из Евангелия от Луки: когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк. 17:10),

¹ Бурега В., проф. Католическая Церковь и коронавирус: какие решения на самом деле приняли в Ватикане? [Электронный ресурс]. religion.in.ua URL: https://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/46209-katolicheskaya-cerkov-i-koronavirus-kakie-resheniya-na-samom-dele-prinyali-v-vatikane.html (дата обращения 09.04.20.).

также для обетов нищеты и девства они приводят места из Евангелия от Луки гл. 18:22 и от Матфея, гл. 19:11, и из Послания апостола Павла к коринфянам, гл. 7; 9:4. Ссылаясь на эти цитаты и в православной церкви существует обет монашества. Но, по учению православных, своими обетами монахи не совершают чего-то сверхдолжного.

Опровержение же учения католиков заключается в заповеди о любви. Если люди обязаны любить Бога от всей души, от всего сердца, от всего помышления, то все, что бы хорошего они не делали, будет только исполнением заповеди о любви¹.

6.7. Коллизии обязанностей

Христианину необходимо приобретать навык к оценке истинной важности обязанностей и правильно располагать свои дела, чтобы, по возможности, избегать столкновения обязанностей, или так называемых коллизий обязанностей.

Под именем коллизии обязанностей понимается такое стечение обстоятельств в жизни человека, когда он ставится в необходимость в одно и то же время исполнить две или несколько обязанностей.

С теоретической точки зрения допустить столкновение обязанностей нельзя, так как в основе христианской жизни должен лежать закон Божий. Отсюда следует, что с идеальной точки зрения столкновения обязанностей в человеческой жизни не может быть. Если же есть, то это объясняется тем, что в человеке нарушен нравственный порядок. Человеческий грех внес расстройство в человеческую природу и человеческую жизнь.

В жизни Иисуса Христа не было столкновений обязанностей, потому что Его жизнь была идеально совершенной. Отсюда ясно, что человек должен построить свою жизнь так, чтобы избежать столкновений обязанностей. А это будет тогда, когда человек будет исполнять свои обязанности своевременно. Нужно, чтобы каждый момент его жизни был наполнен соответствующим содержанием, и при таком условии все человеческие обязанно-

¹ Хижняк Я. Г. Религиозно-этическое учение профессора Киевской духовной академии М. А. Олесницкого. Дис... на соискание научн. степени канд. богосл. К., 2015. С. 126–134.

сти станут на свое место. Обычно бывает так, что человек по разным причинам откладывает исполнение своих обязанностей и сами эти неисполненные обязанности напоминают о себе в один какой-нибудь момент жизни, на который падают другие обязанности. И поэтому человеку в один и тот же момент приходится исполнять несколько обязанностей¹.

В средние века образовалась наука, называемая казуистикой (от латинского слова «казус» – случай, событие), поставившая себе задачей разрешать все возможные причины столкновений обязанностей. Однако, с течением времени эта нужда потеряла свое значение, так как невозможно предусмотреть все случаи столкновения обязанностей и невозможно составить все правила, которыми можно руководиться при разрешении этих случаев.

Православная Церковь никогда не обращалась к казуистике и всегда предупреждала заботиться об избежании коллизий, в особенности таких, в которых виноват сам человек².

Необходимо тщательно следить за тем, чтобы не принять ложную коллизию за истинную. Между действительной коллизией и ложной, выставляемой слабостями и порочными склонностями человеческой природы, нет ничего общего. Например, человек, жадный к деньгам, прикрывает свою страсть заботой о своей семье. Склонный к воровству оправдывается недостатком хлеба. В случае же действительной коллизии необходимо руководствоваться следующими правилами: обязанности высшего порядка необходимо предпочитать обязанностям низшего порядка. В силу этого порядка христианские мученики обязанность сохранить жизнь приносили в жертву обязанности сохранить веру, так как вера Христова дороже самой жизни. Это правило имеет в виду апостол Павел, когда говорит: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:19). Этому правилу мы следуем тогда, когда обязанности более широкие предпочитаем узким. В понятие обязанностей более широких может войти служение Отечеству. Например, воин оставляет дом свой и идет на военную службу. Этому правилу мы следуем, когда обязанности к самим себе пренебрегаем ради благополучия других

¹ Шиманский Г. И. Нравственное богословие. К., 2010. С. 147–149.

² Там же. С. 149–150.

людей, когда жертвуем своим спокойствием, здоровьем ради спокойствия других людей. Возможны случаи, когда сталкиваются высота обязанностей с широтой обязанностей. В данном случае широта их должна быть приносима в жертву высоте обязанностей. Следовательно, индивидуум должен жертвовать собою ради семьи и отечества. Но общество не вправе потребовать поступать нечестно ради пользы общества.

Указанные правила имеют значение лишь общих руководствующих указаний. Каждый отдельный случай требует особого решения. Поэтому главным правилом при решении этих случаев должна служить просвещенная совесть, христианская мудрость, или, по выражению апостола Павла, должен решать навык к различению добра и зла (Евр. 5:14). Чем чище совесть человека, тем вернее будет она решать эти недоумения. Запасшись тем духовным снаряжением, о котором говорит апостол Павел в своем послании к Ефесянам, тем удачнее будет человек избегать действительных столкновений обязанностей. Нравственное бодрствование и молитва имеют здесь большое значение, как и вообще во всех моментах жизни христианина. Так, апостол Иаков указывает для христиан при коллизии на непосредственное научение от Бога после усердной молитвы (Иак. 1:5), обещанное верующим Самим Спасителем в критические минуты их жизни (Лк. 12:11–12).

Кто водится Святым Духом, тот из самых трудных обстоятельств выйдет победителем¹.

¹ Шиманский Г. И. Нравственное богословие. С. 151.

7. ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

7.1. Экологическая этика

Одной из важных проблем современной богословской науки является осознание и осмысление экологической катастрофы на Земле, в частности теоретического и практического вклада человечества в этот процесс.

Земля, это наш дом – единственное пристанище человека. Другие планеты, пригодные для жизни, существуют только в фантастических фильмах, но не стоит возлагать надежды на то, что они станут реальностью. Необходимо беречь то, что существует в настоящее время, относиться к природе бережно и соблюдать гармонию.

Научно-технический прогресс сначала постепенно, а затем все быстрее убивает природу, преобразует Землю, и все, что на ней обитает.

Ежегодные сборы урожая снижают плодородие почвы, а чрезмерное внесение удобрений загрязняет водоемы; осушение болот увеличивает опасность возникновения пожаров. Развитие промышленности и распространение транспорта загрязняет окружающую среду, рост потребления ведет к истощению природных ресурсов. Нам необходимо задуматься о будущем, пока еще есть хоть какие-то шансы остановить разрушение нашего общего дома.

Хотя человек создан властелином твари, вначале ему не дано разрешения поддерживать свою жизнь за счет жизни животных (Быт 1:28–29). Это право он получил лишь после Потопа (Быт 9:3) в виде снисхождения к его немощи.

В Священном Писании не акцентируется внимание на экологической катастрофе по той причине, что во времена, когда писалась Библия, ни заводов, ни транспорта, ни многих других современных источников загрязнения окружающей среды не существовало. Отходов производства было сравнительно немного, и проблемы с их хранением, утилизацией или обезвреживанием фактически не возникали. Если говорить об отходах, то с ними фактически не возникало проблем, во-первых, по причине меньшего числа жителей на планете, а во-вторых, в связи с тем, что

они состояли из органического вещества, и очень быстро разлагались в окружающей среде.

Для того чтобы разобраться в данной проблеме с помощью Библии, необходимо понять подлинное значение владычества человека над природой.

В данном контексте центральным местом в Библии является Божье благословение человеку владычествовать: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт.1:26). С одной стороны, это богословское выражение очевидного факта: человеческий вид – доминирующий вид на планете. Однако, неправильное толкование библейского повествования, привело человечество к величайшему кризису.

Противоположностью этому является то, что многие индуисты становятся вегетарианцами ради уважения к животным. Для буддистов намеренное убийство насекомого – точно такое же убийство, как и любое другое, и они стараются воздерживаться от него. У каждого буддийского монаха к посоху прикрепляется колокольчик, для предупреждения животных о приближении человека, чтобы они успели убежать. А ортодоксальные джайны, в свою очередь, специальной метелкой подметают себе дорогу, чтобы не раздавить муравьев. А средневековые христианские монахи, для которых основными ценностями были сострадание и любовь, заботились о диких животных, излечивая их от ран и спасая от охотников.

На самом деле, владычество людей не подразумевает собой потребительского отношения к живым существам и окружающей среде, оно должно быть подобно к идее царя-пастуха, распространенной на Востоке.

Когда евреи, находящиеся в подданстве царя Ровоама пытались уменьшить тиранию его отца Соломона, то мудрецы подсказали молодому царю: «Если ты на сей день будешь слугою народу сему и послужишь ему, ... то они будут твоими рабами на все дни» (3Цар.12:7). На самом деле, взаимное служение и является идеалом. Царь должен царствовать, служа и заботясь о нуждах

своего народа, обеспечивая ему защиту и справедливость, избегая жестокости, эксплуатации и угнетения, но при этом обязанностью людей является подчинение и служба своему царю. Царь поставляется для блага своего народа, а не наоборот. Очень известной метафорой подобного правления на Востоке является пастух. Царь должен быть пастырем для своего народа. А овцы должны следовать за своим пастырем, основная обязанность пастуха – ухаживать за овцами, а не злоупотреблять своей властью или использовать их. Само понятие «пастырь» больше говорит об ответственности, чем о власти и правах.

Если мы имеем власть над Божьими созданиями и над природой, то должны жить с ними в мире, как смиренные слуги и добрые пастыри. Мы не имеем права, ввиду того, что созданы по образу Божьему, использовать это как повод для злоупотребления, пренебрежения или даже унижения остальных существ – ведь Господь не делает подобного по отношению к нам. Как цари, мы обладаем властью над жизнью и над смертью, и обязаны править соответственно с правилами милости и справедливости. Но у нас также есть и другая обязанность – как перед Богом, там и перед ними, – защищать и любить их.

И действительно, подобная парадигма правления должна быть чертой не только ветхозаветных царей, но и нравственного поведения всех людей на земле. В Священном Писании Ветхого Завета есть четкое указание на то, что «праведный знает душу скота своего, сострадание же нечестивых жестоко» (Притч.12:10).

Отношение царствования выходит за пределы Ветхого Завета. Сам Христос является примером великодушия, любви и жертвенного служения людям. Нет причин не принимать такую христоподобную ответственность и в отношении природы.

Абсолютная беззащитность животных и наша власть над ними побуждает нас к нравственному великодушию. Мы для природы являемся тем, Кем для нас является Христос.

Когда мы говорим о превосходстве человека над природой, то подразумеваем не только христоподобное превосходство, но и превосходство служения. Не может быть одного без другого.

Итак, владычествовать над другими существами подобно царю, действовать в соответствии с образом Божьим – означает

возобновлять библейскую справедливость в отношении всего сущего. Владычество (Быт.1) осуществляется через служение (Быт.2) – это библейский баланс нашей экологической ответственности. Митр. Антоний (Блум) развивает эту идею в экклезиологическом контексте, говоря, что «миряне – это не стадо, это живое тело Христа, и духовенство – это не вожди и не начальники, а слуги».

Другой причиной, подталкивающей человека быть милосердным по отношению к животным, является мысль о том, что жестокость по отношению к ним развивает безжалостность в человеке и, наоборот, добрые дела способствуют развитию сострадания и гуманности.

В 71-м псалме выражается идея о том, что природное и экономическое благополучие, является результатом справедливого и великодушного правительства: «Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде...» (Пс.71:1–2). В принципе, псалом хорошо соединяет молитву о царе, который обязан поступать справедливо, с ожиданиями, что в природной среде будет порядок и процветание: «Будет обилие хлеба на земле...» (Пс.71:16).

Не зря, цикл иудейских праздников, во время которых евреи посвящали себя на служение Богу, увенчивался двумя исключительными установлениями: празднованием субботнего и юбилейного года. В это время Богу служили не только люди, но и сама земля, которую Господь дал евреям во временное пользование. Первым, и самым главным требованием субботнего года, был покой земли, т. е. земля не возделывалась, не засеивалась, виноград, и фруктовые деревья не обрезывались, из этого следовало прекращение в субботний год всех работ, связанных с земледелием. Таким образом, земля после шести лет использования и принесения плодов частным владельцам, ставала собственностью только Бога, пребывала в священном покое, подобно тому, как при ее творении.

Дополнительным требованием субботнего покоя седьмого года было предписание, чтобы все, что вырастет на земле в этот год, предоставлялось не только для владельца с семьей, но и для рабов, путешественников и убогих, а так же для домашних животных и диких зверей.

Из этого следует, что главное предназначение постановлений о субботнем годе – нравственное, в них красной нитью проходит мысль о всеобщем служении человека и самой земли Богу и пробуждения в людях веры и надежды на Него, искренней преданности Ему.

Основной смысл и предназначение установления субботнего года заключается в формировании воли людей к служению Богу и окружающим.

Подобным образом празднование юбилейного пятидесятого года, прежде всего, заключалось в покое земли. Деревья и сама земля должны были не обрабатываться, как во времена первобытной девственности, а их плоды, подобно манне в пустыни, должны быть доступны всем (Лев.25).

Земля имеет огромное значение. Это не просто место жительства или источник для сельского хозяйства. Она не была недвижимостью, которую можно продать или купить. Земля имела первенствующее богословское и нравственное значение.

Право собственности на землю возникло не на основании естественного права, коммерческой сделки или применения грубой силы. Оно обосновывалось Божественным благословением дара земли (2Цар.21:3; Мих.2:1-2).

О том, что человек должен составлять единое целое с природой говорит тот факт, что после Всемирного потопа завет был положен между Богом с одной стороны и между людьми и животными с другой: «И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли» (Быт.9:8–11).

Приведенная цитата конкретно говорит о том, что великий договор заключен со всем существующим на планете, и Творец соединяет себя взаимными условиями договора с человеком и остальными существами. Это договор, в котором люди стоят наряду с остальными существами на земле. Завет связывает человека и остальных существ отношениями с Богом, нашим Создателем.

Неправильное понимание этой и других цитат из Библии приводило к тому, что над животными устраивали суды, или представляли их в качестве свидетелей. В Европе вплоть до сравнительно недавнего времени низшие животные в полной мере несли наравне с людьми ответственность перед законом. Домашних животных судили в уголовных судах и карали смертью в случае доказанности преступления; дикие животные подлежали юрисдикции церковных судов, и наказания, которым они подвергались, были изгнание и смерть посредством заклинания или отлучения.

Когда человек восстал против своего Творца, его грехопадение повлияло на всю окружающую среду. Это видно из Господних слов Адаму: «Проклята земля за тебя» (Быт.3:17). Если вначале человек царствовал над миром, то теперь природа стала враждебна по отношению к человеку. Земля утратила прежнюю силу плодородия и стала произращать терния и сорные травы. Если раньше труд на земле не утомлял человека, то теперь он должен был трудиться в поте лица, чтобы добыть себе пропитание. В природе начали действовать губительные стихии, наносящие ущерб, иногда сводящие на нет тяжелый человеческий труд, вложенный в обработку земли. Человек стал страдать от перемен климата, от жары и холода. Животные перестали узнавать в человеке своего владыку. Среди них появились хищники, опасные для человека.

Свт. Феофил Антиохийский рассматривал последствия первородного греха в окружающем мире на примере диких зверей. «Звери, – писал он, – получили свое имя потому, что они одичали, а не потому, что изначально якобы были злыми и ядовитыми, ибо ничего злого изначально не было сотворено Богом, но все было прекрасно». Их «испортил» грех, нарушивший правила и нормы не только человеческого существования, но и природного бытия. В окружающем мире, замечал свт. Феофил, произошло то, что происходит в доме, хозяин которого начинает вести себя недостойно, – это отрицательным образом сказывается и на поведении домашней работницы.

Есть предположение, что в Быт. 2:17 право познавать добро и зло указывает на власть над природой, поскольку в еврейском языке глагол «познать» иногда может означать «владеть», а «до-

бро» и «зло» есть идиома (оборот речи), эквивалентная понятию «все на свете». В таком случае грех Первочеловека заключается в притязании владеть миром независимо от Бога.

После этого надежда всего мира сосредотачивается на ожидании человеческого исправления: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим.8:19–22). Эта библейская надежда очень важна для формирования экологической этики.

Видный греческий богослов Х. Яннарас отмечает, что «между тем, чем мир является актуально, и тем, чем он призван быть, стоит человеческая свобода, которая только и может преодолеть разрыв между существованием мира и целью этого существования».

Примеры из житий святых являются ярким свидетельством того, что восстановление гармонии, которая была между человеком и природой в раю, возможна всегда и для каждого. Святые люди не боялись животных, а те, в свою очередь, искали у них помощи.

Например, прор. Илье во время его пребывания в пустыне ворон приносил пищу. Вороны питали не только праведного Илию, но и преподобных Павла Фивейского и Кукшу Одесского и других святых, живших позднее. Прор. Даниил оставался невредимым, находясь во рве со львами. Пророк Иона пробыл три дня во чреве кита. Преподобный Симеон Столпник, живший в V веке, исцелил змея. Прп. Герасиму Иорданскому сопутствовал лев, которого он вылечил. По повелению прп. Зосимы лев вырыл яму для погребения прп. Марии Египетской. Также, львы вырыли яму для погребения прп. Павла Фивейского. Свт. Власий Севастийский, живший в IV в., исцелял больных зверей. А св. Неофита, так же жившего в IV в., мучители привели на арену цирка. На арене святого привязали к столбу и выпустили диких медведей. С ревом бросились звери к святому, но вдруг словно какая-то сила остановила их. Медведи наклонили головы к ногам мученика – и тихо отошли. Тогда мучители выпустили из клетки льва. Злобно рыча, лев прыгнул к святому, но вдруг остановился и замер, а потом

стал лизать мученику ноги. Однажды святой Акакий, епископ Милитинский, живший в начале V в., говорил проповедь в храме. А под потолком храма хлопотали ласточки – строили себе гнезда. Они громко щебетали и сновали над святителем, мешая людям слушать его проповедь. Тогда святой Акакий обратился к птицам: – «Милые ласточки! Именем Творца, прошу вас, не мешайте мне проповедовать!» И, к великому изумлению всех, бывших в храме, тотчас воцарилась тишина. Послушные ласточки улетели из храма. Вернулись они к своим гнездам лишь тогда, когда святой Акакий закончил проповедь. А святого Вина послушался огромный зверь – бегемот. Когда толпа гуляк решила подшутить над блж. Василием и натравила на него свору озлобленных псов, то бродячие собаки, которые вначале лаяли на юродивого, подбежав к нему, вдруг завили хвостами и начали лизать ему лицо и руки. Голодные собаки, нашедшие тело мч. младенца Гавриила Белостокского, не только не растерзали его, но охраняли даже от хищных птиц. Сщмч. Ианнуария епископа и с ним мчч. Прокула, Соссия и Фавста диаконов, Дисидерия чтеца, Евтихия и Акутиона вывели в цирк на растерзание диким зверям, но звери не тронули их. В III веке неподалеку от Кесарии Каппадокийской на горе подвизался православный отшельник Мамант. В его пещеру приходили ночевать львы и волки, косули, лани и дикие козы. И близ пещеры подвижника хищники никогда не трогали травоядных. Преподобный Еллий жил в Египте в IV веке. Однажды преподобному потребовалось посетить близлежащий монастырь, для чего нужно было пересечь реку. Однако сделать это было трудно по двум причинам: во-первых, на стороне святого не было лодки, а во-вторых, в реке жил огромный крокодил, которого все боялись. Когда святой в раздумье подошел к берегу, из воды как раз показался хищник. Авва Еллий призвал имя Господа Иисуса Христа и крокодил вмиг присмирел, подставив ему спину. Святой со своей котомкой сел на животное и переправился на нем через реку. Святой Павел Обнорский тоже крепко дружил с животными. Причем, не с каким-то одним, а со всеми населявшими лес, в котором он предавался молитве. Это ученик преподобного Сергия Радонежского, кстати, дружившего с медведем. В XVIII столетии над просвещением алеутов и индейцев Аляски много потруди-

ся преподобный Герман, руководивший русской духовной миссией на острове Кадьяк. Сохранились свидетельства о том, что преподобный иногда кормил медведя, а птицы часто ели с его рук сушеную рыбу. Православный святитель Кутберт Линдисфарнский подвизался в VII веке на территории нынешней Шотландии. Однажды святой Кутберт проповедовал в холмах на севере, и проголодался. Не успел он подумать о пище, как один орел принес ему рыбу. В VI веке преподобный Давид **Гареджийский** избрал поприщем евангельской проповеди город Тифлис (современный Тбилиси, Грузия). Когда от нехватки пищи и воды его ученик начал тосковать, святой пытался объяснить ему действие промысла Божьего. В этот момент к их пещере прибежали три оленихи с маленькими оленятами. Святой Давид указал на них Лукиану, как на утешение, своевременно посланное Богом верным своим, и велел Лукиану взять сосуд и подоить олених. Святой старец Паисий Афонский тоже очень любил животных. Однажды он повстречался с медведем, с которым они состязались в смирении, уступая друг другу тропинку, пока медведь аккуратно не подтолкнул старца, показывая, что тот все же должен идти первым.

В качестве подобных примеров, ап. Павел приводит праведников Ветхого Завета, которые «верою <...> заграждали уста львов, угашали силу огня...» (Евр.11:33–34).

Существует и много других случаев, когда животные повиновались человеку, подобно тому, как это происходило в раю. Упомянув лишь некоторых ярких светил на звездном небе Православия, мы умолчали о целых созвездиях имен, просиявших в различные периоды истории Церкви.

Однако часто первые христиане погибали, будучи растерзаны зверями на цирковой арене. Это происходило не потому, что они не были святы, а в связи с тем, что мученичество – это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа. В ранний период именно мученичество более всего способствовало распространению Церкви.

Но, конечно же, ярчайшим примером «нарушения естества уставов» является зачатие Пресвятой Богородицей от Св. Духа, Рождество Христово.

Более того, французский богослов В. Н. Лосский так говорит насчет замысла Божьего о человеке в его отношении к тварному миру: «По учению святого Максима Исповедника, первый человек был призван <...> уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединив землю и небо, то есть весь чувственный мир».

Он должен был преодолеть разделение на небо и землю – фактически преодолеть силу земного притяжения. И это тоже было под силу святым, так же, как и в случаях с повиновением животных. Из жития прп. Серафима Саровского известно, что во время молитвы он возносился над землей. Иоанн Новгородский летал в Иерусалим на бесе. Плот, на котором находился свт. Иоанн Новгородский, подымался против течения без чьей-либо помощи. А о блж. Василии московские летописи повествуют, что он не раз на глазах у толпы переносился неведомой силой через реку Москву. Во время войны с вавилонянами пророк Аввакум удалился в Аравию, где с ним произошло следующее чудо. Когда он нес обед жнецам, ему встретился Ангел Господень и мгновенно перенес его силою своего духа в Вавилон, где в это время томился в темнице пророк Даниил. Так, пищей, предназначавшейся для жнецов, утолил голод гонимый пророк. (Дан. 14:33–39). Ап. Павел пишет: «Знаю человека ... который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь» (2Кор.12:2–5).

По мнению свт. Григория Нисского, разделение человека на мужской и женский пол, предполагающее «скотский и бессловесный способ размножения» и не относящееся к образу Божию в человеке, «приспособлено» к нему Богом в предвидении грехопадения. Изначально же у людей потенциально был некий иной способ размножения. У них не было нужды в половых отношениях. Из разделения полов и соответствующего размножения в человеке возникли и все остальные неразумные, животные стремления и страсти.

Митр. Антоний (Блум), рассуждая о царственном священстве мирян, пишет, что «если прислушаться к преподобному Максиму Исповеднику, то он говорит, что человек был создан для того, чтобы всю тварь привести к Богу, что он создан как участник двух миров: вещественного и духовного, он в себе совмещает эти два полюса. И в этом смысле всякий верующий в Церкви является священником, то есть человеком, который освящает тварь, который делает ее святой, что значит – Богу посвященной и пронизанной божественной благодатью».

Также по Библии Ниневия была спасена от гибели пророком Ионой, который предупредил город о необходимости покаяния, это произошло около 760 года до н. э. (Ион. 3).

В связи с вышеперечисленными примерами невольно вспоминаются слова блж. Августина Иппонского: «Чудо противно не природе, а тому, как известна нам природа», а так же, слова прп. Серафима Саровского, который говорил: «Обрети мир в своей душе, и вокруг тебя спасутся тысячи». А современный греческий святой Паисий Святогорец вторил прп. Серафиму говоря, что единственным реальным способом изменения мира к лучшему является изменение самого себя.

Священное Писание многократно и недвусмысленно говорит о том, что после Второго пришествия Христова будут решены все, в т. ч. и экологические, проблемы. Союз Творца со Своим народом станет также и союзом людей: «с полевыми зверями и с птицами небесными и с пресмыкающимися по земле» (Ос.2:16-18). «Теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис.11:6), потому что все конфликты, в т. ч. и конфликт человека с природой, будут исчерпаны.

Однако, из этого, не следует, что забота об окружающей среде не имеет смысла. Ожидание «нового неба и новой земли» (2Пет.3:13; Отк.21:1) должно не уменьшать, а увеличивать заботу каждого человека о состоянии этой среды. Как видим, Господь доверил нам заботу о природе, а значит, с нас и будет спрошен «отчет». Недаром, вера во Второе пришествие Господа подразумевает ответственность людей за все, что им доверено. И правильно поступают те люди, которые, осознавая свою ответственность за происходящее, стремятся сберечь все то, что им доверил Творец.

В данном аспекте ключевым моментом Священного Писания является видение прор. Исаии о будущих временах: «Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь» (Ис.65:17; 25).

Дело в том, что то, чего мы ждем от Господа в будущем, оказывает влияние на образ нашей жизни уже сейчас. Ролью библейских предсказаний является не только пророчество о будущем, но и поощрение нравственного изменения в настоящем. Эсхатологическая окраска библейских предсказаний вселяет в нас веру в то, что восстановление экологического баланса является реальностью. Осознание того, что Вселенная принадлежит Творцу, а наши старания направлены на то, чтобы заложить основу для распространения Царства Божьего на земле, должно послужить нашему смирению и привести нас к нравственному послушанию¹.

7.2. Нравственный подход к трансплантологии

Трансплантационная хирургия в современном мире развивается настолько быстро, что число различных пересадок органов и тканей достигло 40 тысяч в год, и в ближайшие десятилетия будет составлять 50% всех операций. В странах, которые у нас принято называть «развитыми», на 1 млн. – 500 человек имеют возможность находиться на гемодиализе, 40 – получают донорскую почку, 12-ти пересаживаются другие жизненно важные органы. Введение так называемой презумпции согласия состоит в том, что подразумевается прижизненное согласие большинства членов общества на забор органов после смерти, но в случае категорического неприятия человек имеет право написать письменный отказ. Презумпция несогласия – наоборот, прижизненное несогласие на забор органов.

«Камнем преткновения в таком случае становится беседа с живым здоровым человеком о заборе органов после смерти. Нет такой области в медицине, где настолько ярко были бы сфокуси-

¹ Хижняк Я. Г. Библия и проблемы экологии // Вестник Омской православной духовной семинарии. Омск, 2020. №1. Вып. 8: Научные труды. С. 43–51.

рованы проблемы этического порядка, как в трансплантологии. Презумпция согласия существует в Финляндии, Португалии, Австрии, Швеции, Испании, Италии, Греции, Бельгии, Франции, России. Презумпция несогласия – в США, Великобритании, Ирландии, Дании и странах Латинской Америки.

Проведенный анализ количества заборов органов в странах, где принят Закон о трансплантации, показал, что среднее количество доноров на 1 млн. населения составляет 17,8. Самое большое количество заборов выполняется в Испании; так называемое «испанское чудо» стало возможным благодаря совместной целенаправленной работе системы здравоохранения, средств массовой информации и национального трансплантационного объединения в рамках национальной программы по донорству, принятой в 1989 г.

Русская православная церковь выразила свое официальное отношение к проблемам трансплантации в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». РПЦ признает изъятие органов от живого донора «только на добровольном самопожертвовании ради спасения жизни другого человека». Информированное согласие на эксплантацию органов от живого донора и «посмертное донорство» становятся проявлением любви и сострадания.

Более того, «Церковь считает, что органы человека не могут рассматриваться как объект купли и продажи. Пересадка органов от живого донора может основываться только на добровольном самопожертвовании ради спасения жизни другого человека. В этом случае согласие на эксплантацию (изъятие органа) становится проявлением любви и сострадания».

Следует отметить, что «потенциальный донор должен быть полностью информирован о возможных последствиях эксплантации органа для его здоровья. Морально недопустима эксплантация, прямо угрожающая жизни донора. Наиболее распространенной ныне является практика изъятия органов у только что скончавшихся людей. В таких случаях должна быть исключена неясность в определении момента смерти. Неприемлемо сокращение жизни одного человека, в том числе через отказ от жизнеподдерживающих процедур, с целью продления жизни другого».

Оливье Клеман, выдающийся западный православный богослов конца XX в. считает, что «исследование и овладение гено-типом влечет за собой непредсказуемые последствия, уродства, коммерциализацию и насильственное использование человеческого тела: в странах третьего мира уже практикуют убийство детей или ампутацию частей тела для прибыльной продажи органов в богатые страны. Таковы плоды эры нигилизма. Библейское откровение утверждает уникальность каждого, однако воскресение было преданно забвению. Наша цивилизация оказалась в окружении небытия: смерть, как бы ее ни игнорировали, беспокоит и зачаровывает».

«Нельзя не заметить, что долгое время развитие науки и техники почти не входило в конфликт с традиционной этикой. Но сегодня эта этика выдохлась, и есть предчувствие огромной культурной катастрофы, своего рода черной дыры, в глубине которой останутся только зрелище, насмешка, насилие, эротизм и наркотики».

По мнению заведующей кафедрой биомедицинской этики Российского государственного медицинского университета Силуяновой И. В., «расширение практики трансплантации либеральные идеологи связывают с преодолением “мифического отношения к сердцу как вместилищу души” и символу человеческой идентичности, с преодолением отношения к смерти как “переходному состоянию”. Либеральные идеологи полагают, что успех трансплантологии возможен только в условиях “развитого и подготовленного общественного мнения, признающего безусловность гуманистических ценностей по всему кругу вопросов практики трансплантации органов”. Среди безусловных гуманистических ценностей особо выделяются следующие три: “добровольность, альтруизм, независимость”».

Силуяновой И. В. пишет, что «христианская позиция, которую ясно выразил православный богослов проф. В. Несмелов, исходит из того, что физическая смерть – не только переход в новую жизнь, но и последний момент “действительной жизни”. Христианская позиция – это понимание смерти как “стадии” (пусть и последней) жизни, как “лично значимого события”, отношение к которому – это область человеколюбия, область собствен-

но нравственного отношения между человеком умершим и человеком живым (в частности, между умершим больным и врачом как субъектом нравственных отношений). В христианстве мертвое тело остается пространством личности. Почтение к умершему непосредственно связано с уважением к живущему. Утрата почтения к умершему, в частности нанесение повреждений телу, влечет за собой потерю уважения к живущему. Прагматическое использование трупов в медицине, как правило, влечет за собой усиление потребительского отношения к человеку».

Донорские органы и ткани усваиваются воспринимающему их человеку (реципиенту), включаясь в сферу его личностного душевно-телесного единства. Поэтому ни при каких обстоятельствах не может быть нравственно оправдана такая трансплантация, которая способна повлечь за собой угрозу для идентичности реципиента, затрагивая его уникальность как личности и как представителя рода. Об этом условии особенно важно помнить при решении вопросов, связанных с пересадкой тканей и органов животного происхождения.

В православной этической традиции никогда не шла речь о том, что нельзя жертвовать собою во имя спасения жизни человека. Напротив, нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин.15:13). Сама жертвенная смерть Спасителя является неоспоримым свидетельством этической ценности самопожертвования. Но самопожертвование есть сознательное и добровольное действие человека, оно не может быть результатом внушения и – тем более – насилия. Определенным видом нравственного “насилия” и может стать превращение человеческой способности к жертвенности в обязательную норму, или жесткое правило, или новый критерий гуманности. Практика трансплантации органов вышла сегодня из узко экспериментальных рамок на уровень обычной медицинской работы. Найти, понять и принять меру участия человека в спасении Жизни – это, действительно, непростая задача разумного отношения к этическим проблемам трансплантации.

Таким образом, с точки зрения православного вероучения и христианской этики в отношении донорства лиц должна действовать презумпция несогласия как безусловный принцип: до-

норство органов и биоматериалов возможно только при свободном осознанном волеизъявлении доноров, в основе которого – жертвенная любовь к ближнему ради спасения его жизни. Из этого следует, что донорство или изъятие органов и биоматериалов у детей, несовершеннолетних лиц, а также лиц, ограниченных в своей физической или правовой дееспособности, является в принципе неприемлемым как при жизни этих лиц, так и после их смерти. Недопустимыми также следует считать коммерциализацию трансплантологии и создание рынка трансплантологических услуг¹.

7.3. Нравственный подход к крионике

У крионики богатая история. Мечта о ледяном бессмертии возникла еще у древних греков, которые обнаружили, что вморозившие в лед рыбы и лягушки таинственно оживали во время потепления.

Начиная с XVIII в. ученые проводили различные эксперименты, которые дали толчок к созданию метода замораживания человека для переноса его в будущее, где его можно будет разморозить и оживить с помощью передовых медицинских технологий.

Сторонники движения считают, что, «заморозив» определенным образом тело и сохраняя его в жидком азоте при температуре -196°C , то в будущем его можно будет разморозить и оживить.

Но при этом, они прекрасно понимают, что у них нет никаких доказательств того, что рано или поздно их разморозят. Поэтому им остается просто верить в то, что это средство от исчезновения и забвения. Крионика похожа на религию, в основу которой легли физиология, биология, психология и другие науки. При этом далеко не все крионисты – ученые.

Возникает вопрос, чем сама крионика отличается от религии? Как и большинства религий, она обещает своим последователям жизнь вечную. Как и в большинстве религий, базовые положения крионики предлагается принять на веру: нужно поверить, что наши потомки разморозят тела, устроят повреждения,

¹ Хижняк Я. Эпоха трансплантологии. [Электронный ресурс] Філософія і Релігієзнавство. URL: <https://tureligious.com.ua/epoha-transplantolohyy/> (дата обращения 08.06.18.).

нанесенные внутренним органам во время заморозки, оживят и т.д. И спастись могут, разумеется, только уверовавшие. Остальных ждет небытие.

С вышесказанного можно прийти к выводу, что ученые любым путем пытаются продлить жизнь человека и всего человечества в целом. Они ссылаются на то, что, когда бы ни совершалось новое открытие, идущее в разрез с традиционной верой, церковь и ее лидеры всегда сопротивлялись этому. Но эти люди забывают слова Священного Писания, которые говорят: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опору, и которого сердце удаляется от Господа (Иер. 17:5).

И вряд ли подавляющее большинство руководителей новых «религий» либо ставит себя на место Христа, либо открыто провозглашает себя Антихристом. Но, тем не менее, мы помним, что Царство Небесное – не от мира сего и что никакие земные привязанности не должны заслонять для нас Господа нашего Иисуса Христа и Его Церковь. В противном случае мы неизбежно скатываемся к обожествлению твари, то есть к язычеству, и к его основному методу – оккультизму¹.

¹ Хижняк Я. «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». [Электронный ресурс] Православный блог. URL: <http://ortodox-blog.ru/filosofiya/da-ne-budet-u-tebya-drugih-bogov-pred-litsem-moim/#more-1561> (дата обращения 03.01.18.).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ:

1. Что можно сказать об основном содержании сборника?
2. Какие основные периоды истории Нравственного богословия?
3. Назовите основные теории обоснования нравственности.
4. Нравственные представления представителей натуралистического направления в этике.
5. Нравственные представления представителей антинатуралистического направления в этике.
6. Предпосылки создания *теории ценностей*.
7. Что можно сказать об основных положениях учения Церкви о естественном нравственном законе?
8. Христианская этика и естественный нравственный закон.
9. Что можно назвать одной из характерных черт библейской религии?
10. Чему соответствует динамическое раскрытие библейской этики?
11. Понятие непорочности в Ветхом Завете.
12. Социальная и личная этика Ветхого Завета.
13. Нравственное значение пророческих и учительных книг Ветхого Завета.
14. Основные добродетели учительных книг Ветхого Завета.
15. Какие переходящие аспекты библейской нравственности были свойственны ветхозаветной общине спасения?
16. Нагорная проповедь, ее место в Евангельском нравственном учении.
17. Что можно сказать об основе Христовой этики?
18. Притча о домах, ее нравственно-богословский смысл.
19. Что можно сказать о центральной теме апостольских посланий?
20. Что можно сказать о главном предмете детерминизма и индетерминизма?
21. Что можно сказать о деонтологии?
22. Обязанности христианина.
23. Что красной нитью вплетается в постановления о субботнем годе?

24. Как повлияло христианство на отношение к экологии?
25. Отношение религии к современным достижениям секулярного мира.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ:

1. Из состава какой науки выделилось нравственное богословие как самостоятельная дисциплина?

- 1) Катехизис
- 2) Догматическое богословие
- 3) Патрология

2. Назовите основные категории православной этики:

- 1) Заповеди и Евангельские советы
- 2) Добро и зло
- 3) Правила и предписания

3. Что является главной целью нравственной жизни с точки зрения Нравственного богословия?

- 1) Стать праведником
- 2) Исполнение нравственных заповедей
- 3) Стяжание святости, т.е. обожение

4. В чем находит выражение естественный нравственный закон?

- 1) В красоте окружающего мира
- 2) В уголовном законодательстве
- 3) В совести

5. Деонтология - это:

- 1) учение о морали
- 2) учение о совести
- 3) учение о долге

6. Признает ли православное богословие теорию адиафоры о наличии нравственно нейтральных дел, поступков?

- 1) Признает
- 2) Признает частично
- 3) Не признает

7. В чем выражается Богооткровенный ветхозаветный нравственный закон?

- 1) В требованиях соблюдения ритуальной чистоты
- 2) В необходимости участия в храмовом богослужении
- 3) В 10 заповедях Синайского законодательства

8. В чем заключается разница между Ветхозаветным и Новозаветным нравственным законом?

- 1) В том, что Закон Моисеев устанавливал что есть грех, а в Новозаветный давал силы совершить добродетели
- 2) В том, что Новый Завет уточнял содержание Ветхозаветного Закона
- 3) В том, что Новый Завет отменял ритуальные предписания Ветхого Завета

9. О чем говорит евангельская притча о домах?

- 1) О необходимости избегать конфликтов
- 2) О связи веры и этики
- 3) О непротивлении злу силою

10. В чем выражаются последствия грехопадения для человеческого рода?

- 1) В невозможности попасть в райский сад
- 2) В чувстве вины перед Богом
- 3) В наличии смертности и тления в человеческом естестве

КЛЮЧИ К ТЕСТАМ:

1. - ответ 2
2. - ответ 2
3. - ответ 3
4. - ответ 3
5. - ответ 3
6. - ответ 3
7. - ответ 3
8. - ответ 2
9. - ответ 2
10. - ответ 3

ИСТОЧНИКИ:

1. Азаренко С. А. Мораль // Современный философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/223/moral.htm> (дата обращения 23.01.20.).

2. Бурева В., проф. Католическая Церковь и коронавирус: какие решения на самом деле приняли в Ватикане? [Электронный ресурс]. religion.in.ua URL: https://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/46209-katolicheskaya-cerkov-i-koronavirus-kakie-resheniya-na-samom-dele-prinyali-v-vatikane.html (дата обращения 09.04.20.).

3. Гайденок П. Теории обоснования нравственности // Альфа и Омега. 1999 – 2000. № 22, 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/teorii-obosnovaniya-nravstvennosti/> (дата обращения 14.02.20.).

4. Гусейнов А. А. Этика // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Электронный ресурс. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe580c35fb9510cd4c8eae5> (дата обращения 14.02.20.).

5. Мень А., прот. Этика библейская // Библиологический словарь. М: Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 3. С. 474–481.

6. Мораль // Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА) М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-3613.html> (дата обращения 23.01.20.).

7. Мораль. Электронный ресурс. URL: <https://science.wikia.org/ru/wiki/Мораль> (дата обращения 23.01.20.).

8. Олесницкий М. А. Из системы нравственного богословия // ТКДА. К., 1888. №5. С. 26.

9. Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. [Электронный ресурс] azbyka.ru URL: <https://azbyka.ru>

ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/6_10 (дата обращения: 28.01.20.).

10. Хижняк Я. «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». [Электронный ресурс] Православный блог. URL: <http://ortodox-blog.ru/filosofiya/da-ne-budet-u-tebya-drugih-bogov-pred-litsem-moim/#more-1561> (дата обращения 03.01.18.).

11. Хижняк Я. Г. Библия и проблемы экологии // Вестник Омской православной духовной семинарии. Омск, 2020. №1. Вып. 8: Научные труды. С. 43–51.

12. Хижняк Я. Г. Религиозно-этическое учение профессора Киевской духовной академии М. А. Олесницкого. Дис... на соискание научн. степени канд. богосл. К., 2015. С. 126–134.

13. Хижняк Я. Эпоха трансплантологии. [Электронный ресурс] Філософія і Релігієзнавство. URL: <https://tureligious.com.ua/epoha-transplantolohyyu/> (дата обращения 08.06.18.).

14. Шиманский Г. И. Нравственное богословие. К., 2010. С. 147–149.

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра Библистики и богословия

Иеромонах Мелхиседек (Хижняк)

ПРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Сборник материалов к лекциям

Корректор: Моисеева Е. С.

Подписано в печать 03.06.2021. Формат 60x84 1/16.
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл.печ.л. 4,88. Заказ № 03/06. Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А. Ю.
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3.
Тел.: (8412) 56-37-16.